

- [Письма](#)

- [Из писем матушки Игумении Арсении к Петру Александровичу Брянчанинову](#)
- [Письма 1—14](#)
- [Письма 15—42](#)
- [Письма 43—68](#)
- [Письма 69—93](#)
- [Письмо к схимонахине Пафнутии](#)
- [Письмо к Лидии П.В.](#)
- [Письмо к сестре матушки А. М. М.](#)
- [Из писем к В. И. И.](#)
- [Из писем к М. С.](#)
- [Из писем к А. С.](#)
- [Из писем к В. П. Г.](#)

Введение

Содержание

Из писем матушки Игуменнии Арсении к Петру Александровичу Брянчанинову

Смирение — есть единственное состояние духа, чрез которое входят в человека все духовные дарования. Оно есть дверь, которая отворяет сердце и делает его способным к духовным ощущениям. Смирение доставляет сердцу невозмутимый покой, уму — мир, помыслам — немечтательность. Смирение есть сила, объемлющая сердце, отчуждающая его от всего земного, дающая ему понятие о том ощущении вечной жизни, которое не может взойти на сердце плотского человека. Смирение дает уму его первоначальную чистоту. Он ясно начинает видеть различие добра и зла во всем, а в себе всякому своему состоянию и движению душевному знает имя, как первозданный [Адам](#) нарекал имена животным по тем свойствам, которые усматривал у них. Смирением полагается печать безмолвия на все, что есть в человеке человеческого, и дух человека в этом безмолвии, предстоя Господу в молитве, внемлет Его вещаниям... До ощущения сердцем смирения не может быть чистой, духовной молитвы.

Непрестанной памяти Божией препятствует рассеянность наших помыслов, увлекающих наш ум в суетные попечения. Только когда вся жизнь наша всецело направлена к Богу, человек делается способным и начинает верою во всем видеть Бога — как во всех важных случающихся обстоятельствах жизни, так и в самомалейших — и во всем покоряться Его воле, без чего не может быть памяти Божией, не может быть чистой [молитвы](#) и непрестанной. Еще более вредят памяти Божией, а потому и молитве, чувства и страсти. Поэтому надо строго и постоянно внимать сердцу и его увлечениям, твердо сопротивляясь им, ибо увлечения уводят душу в непроницаемую тьму. Всякая страсть есть страдание души, ее болезнь, и требует немедленного врачевания. Самое уныние и другого рода охлаждения сердца к деятельности духовной — суть болезни. Подобно как человек, который был болен горячкой, по миновании болезни еще долго остается слабым, вялым, неспособным к делу, так и душа, больная страстию, делается равнодушна, слаба, немощна, бесчувственна, неспособна к деятельности духовной. Это страсти душевные. На них вооружаться и бороться с ними, их побеждать — есть главный труд. Необходимо усердно трудиться в этой борьбе с душевными страстями. Молитва обнаруживает нам страсти, которые живут в нашем сердце. Какая страсть препятствует нашей молитве, с тою и должны мы бороться неотложно, и сама [молитва](#) поможет в этой борьбе, и молитвою же искореняется страсть.

Светильник, с которым девы могут встретить Жениха, есть Дух Святой, Который освещает душу, обитая в ней, очищает ее, уподобляет Христу, все свойства душевные образует по Великому Первообразу. Такую душу Христос признает Своей невестой, узнает в ней Свое подобие. Если ж она не освещена этим светильником, Духом Святым, то она вся во тьме, и в этой тьме вселяется враг Божий, который наполняет душу разными страстями и уподобляет ее себе. Такую душу Христос не признает Своею и отделяет ее от Своего общения. Чтобы не угас светильник, надо постоянно подливать елей, а елей — есть постоянная молитва, без которой не может светить светильник.

Есть в душе естественное стремление к добру. Это стремление я называю призванием Божиим, когда оно так сильно действует в некоторых душах, что удовлетворить его не может ничто земное. Этому стремлению я всегда давала большую цену, но сегодня душа моя познала, что страх охраняет ее больше и необходим он душе и при ее преуспевании так же, как и при самом немощном состоянии ее. Приводит к страху Божию частая память смерти, частое напоминание себе, что, может быть, живешь последний день, последнюю минуту. А насаждает его в сердце благодать Божия. «Страх Твой, Господи, всади в сердца раб Твоих», — молится

Святая [Церковь](#).

Невозможно стяжать чистой, непарительной молитвы, если ей не будет предшествовать самоотверженная деятельность. Но и ежедневно надо полагать в сердце или утверждать в нем произволение, отвергать всякое дело, слово, чувство, мысль — неугодные Господу, направлять же всякое дело по заповедям Божиим, всякое чувство словом Его воспитывать, всякую мысль истиною Его наполнять. При такой деятельности или хотя при цели такой деятельности всякое входящее в душу чуждое чувство или мысль усматривается и молитвою отвергается от души. При таком произволении души Имя Иисусово самовластно действует в ней и отсекает всякий помысл, противный Себе, поборяет всякое чувство, неугодное Себе, просвещает душу к познанию воли Своей, водворяет в ней мир сердечный и тишину помыслов.

Ко всякому чувству враг примешивает свою отраву. Так, к сокрушению о греховности он примешивает отчаяние и безнадежие, и унывает душа и расслабляется; к отречению — жестокосердие, холодность, бесчувствие; к любви — сладострастие; к утешению милостями, даруемыми Господом, — тщеславие, и прочее. Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве Именем Господа Иисуса Христа, произносимой с верою от сокрушенного сердца, этот яд отделяется; от света Христова разгоняется тьма из сердца, видна становится сопротивная сила; от силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остается естественное состояние, не всегда сильное, не всегда чистое от плотской скверны, но безмятежное и способное подклониться под действующую руку Божию.

Состояние души падшего грешника вполне соответствует словам Господа: «терния и волчцы возрастит тебе... земля» ([Быт. 3:17, 18](#)). И земля нашего сердца постоянно растит страсти и грехи. Деятельность души, неосененной благодатию Божиею, направленная к очищению сердца, всегда трудна, тяжела и бессильна. «В поте лица твоего хлеб твой снеси» ([Быт. 3:19](#)). С большим трудом, долговременным подвигом искореняются страсти, как терния из земли, и опять, при малом нерадении, при увлекающих случаях, они готовы возродиться, и родятся, и растут в сердце, заглушая семя слова Божия, не успевшего пустить в нем корни и окрепнуть, а не только принести плод и напитать душу. Едва очистится, со многим трудом, источник — ум наш, как опять потоки нечистых помыслов возмутят его, наполнят нечистотой и не дадут жаждущей душе напиться чистой воды Божественных откровений. «В поте лица твоего хлеб твой снеси».

С кровавым потом трудится и должна трудиться душа, чтобы не умереть ей с голоду, чтоб этим постоянным и тяжелым трудом не дать возрастать в себе терниям страстей своих, чтоб не обратилась она в дебри, где звери витают, чтоб постоянным очищением, отсечением их, могла бы душа питаться тем насущным хлебом, который Великий Сеятель сеет на земле ее. Не оставляет Господь трудов человека без воздаяния. Пошлет дождь на землю ранний и поздний, и родит земля о себе траву, та же клас, та же исполнится пшеница во класе, как, он и не весть сам. Благодать Божия, осенившая душу, сожигает терние страстей и сама плодоносит плод. «Ядый Мою плоть и пийй Мою кровь имат живот вечный» и «реки из чрева его истекнут воды живы» ([Ин. 6:54, 7:38](#)). При таком только состоянии душа не возжаждет более и не придет и не захочет почерпать из земных источников. Наше же делание заключается еще в том, чтоб чистить постепенно эти земные источники, чтоб хоть по каплям пить из них чистой воды, а не черпать с мутной водой жаб и всякую нечистоту с нею смешанную. «В поте лица твоего хлеб твой снеси», — пока не напитает тебя хлеб, сшедший с небес.

«Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог» ([Пс. 45:11](#)). Чтобы принять хоть отчасти это разумение, необходимо, чтоб сердце упразднилось от всякого чувства, ум — от всякого помысла.

Преступая заповеди Божии, мы грешим и пред Богом, и пред людьми, и пред своею

совестию и попадаем не только под суд Божий, но и под суд человеческий. Оскорбляя Господа, бесчестя в себе и собою славу Его, мы постоянно делаем вред ближним нашим, соблазняя их, увлекая во грех, подавая собою пример греховной жизни, не отдавая им должной дани общего вспомоществования на пути ко спасению, и по всей правде мы преданы суду людей. Этот суд, выражающийся осуждением, злословием, клеветой, ненавистью и всяким делом, выходящим из этого воззрения на нас, как то: гонением, мучением, смертью, — мы должны принять как достойное воздаяние и всегда чувствовать себя должниками пред ближним.

Пока мы ходим по плоти, мы видим ближнего тоже как должника нашего; мы требуем от него и правды законной, и святости благодатной как общего достояния человечества. Мы судим его и ненавидим, гоним и мучим, когда он не отдает нам долг наш. Но когда мы водимся Духом, когда Дух Божий изливает в наш дух все богатство Своей благодати, тогда от ближнего мы ничего не ищем, мы прощаем ему долг его пред нами, даже перестаем видеть в нем своего должника.

Немощь человеческая выражается главным образом в изменчивости, которой постоянно подвержено естество человеческое. После разумений духовных, ум способен воспринимать помыслы нечистые и скотские. От ощущений святых чувство переходит к ощущениям плотским, низким. От мира, радости, ревности по добродетели переходит душа к смущению, печали, унынию. Это свойство изменчивости присуще естеству человеческому и особенно познается теми, которые все силы души своей устремляли к тому, чтоб, работая в дому Божиим, пред лицом Его, держать ум свой в непрестанном поучении Имени Его, сердце свое — на стезях заповедей Его, душу свою — у подножия Креста Его. Опытнее познавши изменчивость естества, они этим познанием пришли к глубокому смирению, которое не допускает их пасть: ни гордостью во дни мира, ни унынием и отчаянием во дни смущения; пришли к страху, охраняющему делание, и во время мира ожидающему брани.

Способность к изменчивости особенно сильно действует тогда, если в душе много естества-огня, то есть страстности. Святой Игнатий Богоносец говорил: «Нет во мне огня любви вещественного, но есть во мне вода, текущая и вопиющая во мне: иди ко Отцу». Эта текущая вода погашает огонь — она есть Дух Святой.

Никакая добродетель человеческая не может погасить этого огня, не может убавить его силы. Но добродетели, правильно совершаемые, приносят плод; вкушение духовного плода знакомит внутреннее чувство с ощущениями живыми, чистыми, сладостными, по вкушении которых ослабевают желание ко вкушению ощущений плотских, нечистых, страстных. Например, добродетель молчания, разумно проходимая, отсекающая всякое слово, всякий помысел и всякое дело ненужное, приносит плод: тишину помыслов, мир душевный. Когда душа вкусит этого плода, то она хранит молчание или, утративши его, возвращается к нему стремительно не потому, что молчание есть заповедь монашеского жительства, но за сладость плода, который она имела от молчания. И так самый тот плод, полученный от делания добродетелей, хранит жительство.

Когда же придет совершенное, тогда то «еже от части» ([1Кор. 13:10](#)) — упразднится. Орудия добродетелей становятся ненужными, когда нива приносит плод обильный. Но для тех, в ком еще живо вещество огня, очень важно и необходимо хранить себя на стезях заповедей Божиих, по слову Его проходить путь добродетелей и, получивши вкус духовного плода, не медлить в уклонениях, бывающих от изменчивости нашего естества, не разнеживать вкуса своего ощущениями чувственными. «Пал ли еси, возмани» благо есть место, куда может стать нога. «Тецьте дондеже постигнете путь Его пред нами».

Читала Лествичника «О гордости» и остановилась на словах: «Наказание гордому — падение его». Это наказание Господь премудро употребляет и как врачество гордости. Но все

действия Промысла Божия и попущений Его наказательных служат только тогда в пользу человеку, когда он стремится к достижению неземных целей. Если он поставил целью своей жизни единое спасение — Единого Бога, то все случающееся с ним послужит к его преуспеянию. При лишении всех благ земных, при нанесении и принятии удара всем чувствам своим, при перенесении бесчестия и прочее, там, где сокрушилась бы душа самая сильная, но поставившая целью своих исканий какое-нибудь земное благо, там душа Боголюбивая получает крепость, мудрость, свободу, и если чего лишается в этих прилучающихся скорбях, то лишается единственно той связи со страстями, в которых была заключена и с которыми не могла сама о себе разорвать связь одним своим произволением, а только разрушилась она действием Божиим, по причине страстей. Великое благо не быть поработленным ничему земному хоть произволением души; тогда всякое действие Божие, направленное ко спасению, правильно действует, убивая только страсть, но не душу, а в противном случае вместе со страстью убивается и душа. Душа, отрекшаяся страстей, получает ощущение добродетелей. Отрекшись сластолюбия, она познает опытно смирение, и так далее. Отрекшись своих хотений, своей грехолюбивой воли, своих разумений, она вводится в познание воли Божией. В деятельном исполнении воли Божией, которая является ей в спасительной пользе ближнего, она просвещается Божественными откровениями и, просвещенная ими, входит не только в чистоту, но и в бесстрастие.

Молчание очищает ум от помыслов. Познание своей греховности, своего неразумия, своего бессилия, своей недостаточности во всем приводит душу к вере разума. Отвержение своих хотений во всем приводит к деятельной вере, выражающейся в великой простоте и смирении. Первое приводит к чистоте ума, а второе — к чистоте сердца.

7 октября 1870 года

Я вообще не люблю стеснять себя перепиской мирской, но люблю иногда передавать свои мысли и чувства тем, кто может их понимать и сочувствовать им, и если нельзя устно, то хоть письменно. Ваше письмо меня утешило. Вы помните меня, а для меня это дорого. Но ради Бога, прошу Вас, не превозносите меня так, это несправедливо, и я извиняю ваши слова только тем, что вашему духовно осиротевшему чувству хотелось бы так видеть... и вам показалось, что вы видите знакомые черты того дорогого, высокого, святого образа, созерцание которого освещает вашу душу. Будем же вместе созерцать его в его великих и дивных творениях, а для себя желала бы хоть некоторого познания своих немощей и греховности, о чем прошу Вас помолиться Господу, Подателю благ.

2.

2 ноября 1870 года

Вполне верую, что воля Божия открывается в обстоятельствах, окружающих нас, и вижу, что настоящие обстоятельства таковы, что нужно убегать в горы, но при всем этом вижу, что для меня указание неполно — в обстоятельствах, меня окружающих... Для меня вожделенна жизнь, вполне отрешенная от всего земного, и потому-то моя душа стремится к ней иногда довольно порывисто, я и боюсь увлечься порывом чувства, чтоб не взять прежде времени того, что может быть хорошо только во время свое... На днях я получила от А. В. пятый том. Как хорошо вы сделали, что приложили хоть к этому тому портрет Владыки — епископа Игнатия! Господь вразумил вас. И как хорош этот портрет! В настоящее время я читаю этот том, и как изречения святых отцов, так и взгляд на святое лицо Владыки, действует на меня необыкновенно хорошо. Чувствуешь себя как-то сосредоточенней, когда созерцаешь это изображение, собираешь все помыслы свои, исповедуешь все тонкие уклонения своего сердца, когда смотрят на вас эти прозорливые глаза, смотрят в самую глубину души.

3.

7 ноября 1870 года

Жесток путь спасения, жестоко бывает иногда и слово, высказанное о нем, — это меч обоюдоострый, и режет он наши страсти, нашу чувственность, а вместе с нею делает боль и в самом сердце, из которого вырезаются они. И будет ли время, чтоб для этого меча не оставалось больше дела в нашем сердце? Нет, для него всегда будет дело, нет конца духовному очищению, и во всяком сердце найдется та частица нечистоты, которую нужно очищать. Я признаю в себе явным признаком нерадения, когда перестает болеть и бороться мое сердце, — это признак сильного помрачения. Когда же разгоняется этот мрак словом Божиим, то сердце болит, а без болезни просвещение души невозможно — это будет мечтательность.

4.

6 февраля 1871 года

Рада я и благодарю Господа, что Он сподобил меня, недостойную, передать вам слово моей матушки, схимницы Ардалионы, слово, которое дает жизнь моей душе. Не надивимся мы с Пафнутией тому сочувствию к слову матушки, к духу нашему, которое мы видели в вас. Сила истины — это живая сила, сообщаясь душам, она их образует в один образ. Господь да укрепит нас всех, и да поможет Он нам пребывать в Истине, которая — Он Сам, а путь к нему в нас через нашу немощь, через полноту греховности нашей. Да, это не лживый путь, не выдуманный, не сочиненный, и Сам Господь сказал, чтоб не искать Его нигде, ни в каких состояниях, что Он явится Сам. И действительно является, принося мир, силу, свет в душу погибшую, немощную,

темную. Когда же мы будем гоняться за состояниями, то будем ловить одну мечту. Я крепко немоществую, и иногда унываю, но по опыту дознала, что когда немощь дойдет в душе до крайних пределов, так что никакого упования не останется ни на какое делание, ни на какой разум, то в эту минуту, только в эту минуту и чувствуется, духовно ощущается, особенная помощь Божия или, скорее, познание Его, и сила Его действий в душе. Я не заимствую силу нигде, боясь оживить свою самость, боясь этого яда, разлитого даже в каждом добре человеческом, и потому иногда изнемогаю под своею живою немощью. Но она-то ходатайствует мне ту живую Силу, которую единственно вожделевает душа моя. При таком состоянии, большой страх объемлет душу, погибель в ней и во всем окружающем, а спасение в Той Воле, которую она смеет постигать или насиловать своею просьбою. Страх наполняет ее до глубины.

5.

13 февраля 1871 года

Господь посылает нам на земле скорби, и эти скорби нас отрывают от земли, или лучше сказать, от излишних пристрастий ко всему земному. Значит и скорби — дар Божий. Отчего же не принимаем их с такою же благодарностью, как и радости? Не от греховности ли сердца нашего, неспособного отрешаться от всего и искать одной воли Божией?

Если вы заметили, вообще я избегаю говорить о молитве, потому что сама не имею ее. Но вопросы ваши не хочу оставить безответными, выскажу свои понятия для того, чтобы вы поправили их, если в них усмотрите неправильность. Я сказала: «Ты Сам спасение души моей», — сказала и произношу эти слова по букве, веруя, что это так есть, но постижение их выше нашего мышления. Вы говорите: «Усвоение душою имени Иисусова — есть уже спасение ее». Нет, это что-то не так. Спасение души в силе Божией, действующей чрез это Имя на нашу душу, усвоившую себе полное сознание своей греховности. Хорошо сказал Владыка, чтоб не принимать мысли во время молитвы, а главное, чтоб не доверять им. Когда сердце начинает сочувствовать уму, из состояния своего самопознания пришедшее в чувство духовного умиления, тогда различные разумения входят в душу, и все они прозябают не в уме, и потому называются не мыслями, а духовными разумениями, или видениями; бывают они неложны и невременны, но делаются достоянием души, выходя из ее состояния и вводя ее в разумения, превышающие ее естественную меру. Но все это Божие, а наше, единое нам свойственное, — это разумение своей греховности и вера в Господа, спасающего нас, Которого будем призывать в смирении, оставляя на Его волю самое спасение наше. Во время правила я стараюсь удерживать внимание исключительно в молитве Иисусовой. Иногда же, при большой рассеянности и невнимании, я обращаю внимание на чтение канонов Божией Матери и святым, но с тем, чтобы направить внимание к молитве, а не с тем, чтобы от молитвы обратить его к чтению. Когда же ум направлен к молитве, то можно внимать и чтению, не оставляя молитвы. Если б в молитве нашей было меньше чувственности, то все пополняло бы ее, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности темные келлии, как моя, что в саду, которую я называю своею «немощию», и молчание безмолвия. Но все это временные пособия, мне же ничто так не помогает, как самая жизнь. Хотя и поставлено целью жизни отречение, путь к которой — самоотверженное исполнение заповедей Божиих, но закон греховный направляет всякое действие к своей цели, и в этой борьбе сильно бедствует душа. Господь, врачующий немощь чувств горькими обстоятельствами жизни, по мере отречения сообщает душе невидимую силу и познание Его Промысла. Там я учусь познанию немощи своей и познанию Господа, там отрешает Господь душу мою от дебелости и сообщает ей духовные разумения, так что и молитве я учусь самою жизнью. Думаю, что для молитвы нужна чистота души, а она приобретается самоотверженною деятельностью по заповедям Божиим.

6.

20 февраля 1871 года

Боль в левом боку усилилась до крайности. Трое суток я очень страдала... Вчера же мне было очень легко и мне пришло желание списать для себя некоторые постовые стихиры, которые я люблю напевать иногда в часы уныния... Принесли Постную Триодь, и я, не вставая с постели, списала несколько стихир любимых. Когда окончила я свое писание, тут только заметила, что начинаются они плачем Адама, а оканчиваются плачем блудницы — но какое различие между первым и вторым плачем! Это два совершенно различных состояния души человеческой, и хотя последний происходит из первого, есть его плод, его совершенство, но между ними находится целый путь трудов, борьбы, подвига, не всегда сильного, не всегда побеждающего. В первом мне слышится одно сознание греха — первая ступень покаяния, и потому такой страх слышится в этом покаянном вопле, соединенном с легким отчаянием. Во втором же плаче слышится возненавидение греха, любовь и дерзновение. Это последнее состояние возможно только тогда, когда душа не только слухом услышит, но увидит Господа Иисуса, спасающего ее, приступит к Нему, пришедшему спасти ее, умершую, убитую грехом.

На ваши письма мне много хотелось бы сказать вам, но сегодня что-то сил мало, боюсь, что не dokonчу начатое. Скажу одно: вы как-то часто, вспоминая о смерти, высказываете желание своей души, чтоб в эти страшные минуты иметь помощь от людей, чтимых вами. Это желание вашей души так сильно, что она ищет как бы уверения, что это будет так. По милосердию Божию, оно, действительно, и будет так, если при жизни не лишится душа духовного общения с теми душами, в помощи которых она нуждается... Но как для себя, так и для вас, я не желаю этого требовательного желания, этой уверенности. Боюсь сказать Господу Всеведущему, чтоб Он дал мне то-то в тот час, то-то в другой. Боюсь проникнуть в волю Его спасающую, и в ней избирать для себя полезное. И хотя постоянно призываю молитвы своей старицы, молитвы всех единокровных отцов и матерей спасающихся на помощь своей грешной душе и ими укрепляюсь и поддерживаюсь, но уверенности боюсь искать в чем бы то ни было, и даже люблю такое состояние беспомощное: оно производит страх в душе, который потрясает ее всю до глубины, и она себя живо чувствует во власти Бога, волю Которого она постигнуть не дерзает.

Господь да поможет вам провести время поста, время одиночества, с духовною пользою, чтоб в нем яснее открылась немощь и греховность своя и живее почувствовалась бы помогающая нам Сила.

7.

10 марта 1871 года

Заметки свои я потому хотела уничтожить, что они мои, а своему я мало доверяю. Можно говорить о своих малых опытах в жизни, но писать опасно, может к истине примешаться ложь, еще живая в душе, и вместо пользы принесет вред. Листок вам возвращаю. Имея столько слов духовного опыта людей благодатных и святых, нужно ли примешивать к ним то, что иногда открывается слепому оку нечистой души? Сознывая это вполне и боясь, чтобы ложь моя не примешалась к истине, переданной мне матушкой, я прошу вас поверять мои слова словом отцов, и если увидите неправильность, то будьте добры, заметьте мне. Вы как-то спрашивали, можно ли отцу Архимандриту передавать мои слова и мои понятия? и что это бывает иногда необходимо делать, говоря о себе. Мне помнится, при свидании я высказывала, говоря о наших беседах и вообще о слове духовном, слышанном, читанном, испытанном, что его можно передавать только тогда, когда вызывается это надобностию; просто же как новость, поразившую ум, я считаю не только ненужным, но вредным. В отношении же отца Архимандрита совсем другое дело. Вы можете говорить ему все, что найдете для себя нужным сказать, а я буду просить вас об одном: чтоб его определения на мои слова вы передавали мне. Я

очень ценю его духовный взгляд и даже скажу вам, что если вы будете передавать ему мои понятия, то я буду свободнее и откровеннее высказывать их, потому что не буду бояться того, что они произведут в вас смущение, и что если в них заметится неправильность, то она будет обнаружена. Только при этом я прошу вас передавать мне все, что вы думаете или слышите о моих словах, все-таки не хочется, чтоб их переделывали без моего ведома. Если позволит время и буду в расположении писать, то будущее письмо мое вы получите вскоре, и оно будет писано с полной свободой.

8.

20 марта 1871 года

Описанный вами день 8 февраля, насколько я помню, дал вам опытное познание пользы беспомощного и бессильного состояния души, верующей обрести спасение в Едином Боге. Если вам памятны мои слова, то вы наверно понимаете, что усвоение такого состояния постоянного — есть цель искания. Конечно, оно может иметь различные степени, виды, но дух всей жизни есть единая вера Богу при полном недоверии к себе. Потому-то я не вполне сочувствую всегдашней вашей жалобе на то, что вы не имеете желаемых добродетелей, что вы замечаете в себе и даже чувствуете борьбу от своего немощного состояния. По-моему, не только умом следует подклониться в эти минуты и даже дни и недели немощи, но и заключить себя в ней, чтоб почувствовать тесноту, погибель своей души, не имеющей в себе никакой силы выйти из этого состояния. Тогда только возможна живая вера в Господа спасающего.

Еще вы как-то писали, что вы видите в себе греховность, воображением созерцая в себе страсти и грехи как гады, им же несть числа. Нет, это созерцается не воображением, никак не им, а открывается в сердце по мере самоотвержения. Ваши выписки и слова Владыки, переданные вами о имени Господа Иисуса, вполне правильны и умилили меня. Но постижения этого имени, как и Господа вочеловечившегося, есть высшее откровение, и оно дается душе в свое время, душе, усвоившей заповеди Евангельские, достигшей некоторого совершенства. Об откровениях Божиих я не дерзаю говорить, но и в нашем духовном делании должен быть порядок и последовательность, чтоб и себя видеть нелегко, и верою не устремляться к той высоте, над которою находится непроницаемая завеса.

Вам показалось новостью различие, поставленное мною между плачем Адама и блудницы. Меня это удивляет. Вам, конечно, известно, что есть путь покаяния, следовательно, есть различные степени, переходы, усовершенствования на этом пути. Не нужно только самовольно перескакивать и, находясь на низшей ступеньке, не искать того, что находится на высшей. Потому-то я и сказала, что между этими двумя состояниями целая жизнь подвига и борьбы. Ничего не может быть полезнее для человека, как узнать свою меру, где он находится. Тогда он безошибочно отнесется ко всему и будет на нелегком пути. Вот для этого-то неоцененно дорого иметь руководителя, он укажет нелегко состояние и меру руководимого. Помню, как я стала жить с матушкой, часто слушая ее наставления о пути спасения, и, как будто созерцая этот путь от начала и до конца, я часто спрашивала у матушки: «где я?», и матушка всегда отвечала, что меня нет нигде, потому что во мне еще нет ничего, что служит залогом спасения, нет даже живого сознания погибели, которое заставляет искать истинного спасения. Признаюсь, я не вполне понимала тогда матушкины слова, хоть и верила им и скорбела за свое состояние, но потом живо почувствовала их истину, и теперь они служат для меня, как и все матушкины слова, основанием самоиспытания.

9.

22 марта 1871 года

Ваше письмо от 8—11 марта напомнило мне, что я не отвечала вам на один вопрос, на который вы давно уже ожидаете ответа. Когда я говорила, что «путь к Господу в нас через нашу

греховность», то я не думала о «Царствии Божием, которое есть внутри» человека. Это непреложное обетование Божие обретается в душах чистых и святых и есть конец искания. Я же, говоря те слова, думала о том, что как грехи людей, недостаточность всего человечества к исцелению греховной язвы были причиною к непостижимому и многомилостивому снисхождению Господа на землю, чтоб спасти человека, так и в каждой душе пришествие Господа, спасающего душу, предваряет ее полное смирение и самоотвержение, а пришествие веры в Господа спасающего — полное сознание своей греховности и немощи, восчувствование ее в себе, сокрушение и страх. Вот почему я и сказала, что путь к Нему — в нас, а в нас что другое есть кроме греховности? Если она будет вполне осознана, если неложно поймет человек свою душу, то не поищет нигде опоры кроме веры, и не увидит ни в чем спасения, кроме как в Едином Спасающем. Я сказала: «Путь в нас», потому что часто уклоняется душа и ищет не в себе, а в чем-нибудь своем. Чрез неложное понимание себя человек необходимо придет к Господу, а ища Его в своем чем-нибудь, то есть в своих добродетелях, трудах и тому подобное, не найдет Его, Единого Спасающего, а найдет себя. И это случается не только при общем направлении, но даже в частных уклонениях в делании самости.

Вчера вздумалось мне заглянуть в Лествицу и прочесть «Слово к пастырю». Читая конец Слова, я вспоминала вас. Там объяснена постепенность боговидения, открываемая душе по мере ее очищения.

глава 15-я, стр. 360: при отвержении плотской жизни и самости открывается разум истины;
стр. 361 и 362: по бесстрастии — просвещение духовного разума;

стр. 363 — мир души и зрение Христа — Бога мира и деятельное последование Ему и исполнение Его заповедей.

Но все это только слова, а слово не может выразить то, что выше слова, выше естественных пониманий и ощущений человеческих, как сказал Владыка в слове «Роса», стр. 367, т. 1. Искать в себе какое бы то ни было из этих состояний было бы безумно; кроме одного помилования, может ли чего искать, желать душа, помраченная грехом? Но все дары Божии, спасение и помилование души мы получаем чрез Господа Иисуса, Единого Ходатая между Богом и человеком, и потому Его призываем с верою, без постижения Его, без рассуждения. Отвержение самости и вера вводят душу в простоту и утверждают в душе непоколебимый помысл своего ничтожества, который не изменяется ни при милости Божией, являемой душе в мире помыслов во внимании и умилении молитвенном, ни при совершенном охлаждении, рассеянности, невнимании и даже увлечении. Странно, что как в том, так и в другом состоянии, помысл, утвержденный в душе, остается тот же и непоколебим, хотя состояние души изменяется, и от этой непоколебимости является как бы постоянство духа, не возносящегося при хорошем состоянии и не падающего при дурном. И в том и в другом состоянии все-таки человек один: грешник, нуждающийся помилования от Господа. Излишнее внимание к своим состояниям может обратить деятельность в область чувств, а не духа, так как изменяемость происходит больше в них, и это необходимо по их свойству. Значит, и обращать большого внимания не следует как на помыслы, так и на чувства; одно нужно знать — что они греховны и нечисты и иными быть не могут, потому что происходят от нечистых ума и сердца, и в себе лучше желать и ожидать невозможно; а чистота наша и спасение, и очищение, и освещение — Един Господь. Он неизменяем, непоколебим, непреложен. От этой двойной веры — в свою греховность и Божию непреложность, — не поколеблется и дух человека верующего.

Я ничего не говорю о молитве, потому что думаю, мои слова о духе служат ответом на вопрос о молитве. Когда дух правильно направлен, то молитва делается его дыханием, необходимым и правильно действующим. А тишина помыслов и мир чувств подается Господом душе, прилепляющейся к Нему верою и молитвою; взять или установить этого не может никто в

своей душе и очень стараться об этом не следует. Отец Архимандрит сказал правду, что не следует вдаваться в богословские вопросы: это не спасительно, а даже вредно, и тонкое разбирательство их может привести к заблуждению, а правильное — к кичению. Но если нужно мое мнение, чтоб испытать его правильность, то я скажу, что произволение спасения есть единственная деятельность духа человеческого, необходимая в деле спасения. Не оно спасает человека, но оно необходимое условие в спасении. И предваряет его призвание Божие и утверждает его сила Божия, но все-таки оно от человека, хоть самое немоощное, как и все человеческое. Но об этом довольно.

10.

13 и 14 апреля 1871 года

...Вот и теперь мне хочется передать вам одно понятие, которое не спешите отвергать за неясность изложения. Это понятие будет служить ответом на некоторые вопросы ваши. Святые отцы в своих назиданиях духовных часто увещевают нас просить у Господа премудрости, если мы ее не имеем; силы, когда немоществуем; терпения, если изнемогаем в скорбях, и вообще всего доброго от Него просить. Но я, беседуя с вами, говорила, что лучше не просить себе ничего, кроме помилования, чему вы немного противоречили. Теперь мне хочется сказать вам, что я не отвергаю и того, о чем говорили отцы, но не дерзаю буквально применять к себе всякий совет. Делание, о котором я хочу говорить, приводит к принятию всего от Господа, даже больше этого — к принятию душою Господа, в Котором она находит все. Вы уже по опыту знаете, какую силу находит душа в том исповедании, что в Господе, и в Нем Одном ее спасение, что Он Сам спасение ее. Это исповедание может быть произносимо душою только при полном сознании своей греховности. Вы чувствуете силу оживляющую в этих словах, и иначе быть не может. Во время молитвы это исповедание как будто устанавливает отношение души, убитой грехом, к Господу спасающему. Если душа остается постоянно и глубоко в таком настроении, то она уже молится даже без слов, даже во сне. Это исповедание объемлет всю душу и всю жизнь, и так как душа состоит из частей, жизнь слагается из многих разнообразных состояний (я говорю о жизни духовной), то и это исповедание, сохраняя свой единый, основной характер, разделяется на частности.

Например, при духовном неразумии, когда ум тупеет, не проникая ни в слово Божие, ни в свое состояние, душа исповедует: «Ты, Господи, Один премудрость и просвещение наше». Когда дух немощствует: «Ты, Господи, — Сила моя!» Когда тьма внутренняя наполняет всего человека и, как вы выражаетесь, не пробьешься внутрь себя: «Ты, Господи, Один Свет», и во всех иных случаях подобные исповедания. Из этих частных исповеданий выходит одно полное и живое познание — познание душою Искупителя, Который для нее — Единое спасение. Но только эти частные исповедания не следует употреблять без надобности и часто переменять одно другим, но чтоб они были выражением крайней потребности души, чтобы она в Господе, и в Нем Одном находила, чаяла зреть то, что не находит в себе, что в себе и искать не дерзала бы. Эти исповедания не суть просьбы о даровании того или другого, нет; душа и не хочет себе и для себя и в себе видеть и находить что бы то ни было доброе — все это она чает зреть в Едином Боге, и верою просвещается. Опять повторяю, что душа при каждом своем состоянии, поставленная в правильное отношение к Господу спасающему, в молитвенном призывании Его имени слышит живую силу Его. Но только чтоб эти исповедания не были выдуманы умом, составлены воображением, растворены чувствами, нет, они могут быть только вызваны потребностями души, без всяких порывов и разгорячений. Когда чувствуется мертвенность души, то я не стараюсь оживить ее ничем: «Господи! Ты — жизнь души моей, в Тебе одном живот вечный!», и я призываю Его Всесвятое Имя и, выходя из своей мертвенности, не ища жизни в себе, не желая ее для себя; не достаточно ли для моей души того верования и

исповедания, что Жив Господь, и жива будет душа моя! И как-то хочется оставаться в своей мертвенности, чтоб только в Нем Одном видеть жизнь. Это не чувство, не мечтательность, но состояние дней, месяцев, годов.

11.

22 мая 1871 года

...Отвечу на все вопросы ваши как можно короче, чтобы дать себе свободу впоследствии отвечать подробнее на то, что мне покажется особенно важным и нужным.

Вы не вполне понимаете описанное мною внутреннее делание, которое вы назвали моим любимым, прочтя его в выписке из творений [Григория Синаита](#), и желаете получить объяснение на непонятные для вас слова. Со временем Господь даст понять вам, а мне, молитвами матушки, яснее высказать ее слово, но теперь главное дело состоит в том, чтоб правильно отнестись к слышанному слову. Если слово, переданное мною, покажется вам истинным, то и довольно этого — вера в истине принятой, хотя и не вполне ясно сознанной, усваивает душе принятую истину. Божественный Учитель говорил ученикам Своим: «Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам» ([Ин. 15:3](#)). И всякое истинное понятие, имеющее основанием своим Его Божественное слово, имеет отчасти ту же силу. Истина, принятая верою, очищает от заблуждений, в которых находилась, которыми жила душа. Входить же усиленно в какое бы то ни было духовное делание очень опасно. Старанием усиленно войти в понимание какого-нибудь духовного понятия — невозможно. Чтобы вполне или хоть даже несколько правильно понять дух человека, надо видеть его и беседовать с ним, по словам же другого нельзя никак сделать верного определения. Что же касается вас, то я думала бы смущаться мною нечем. Если ваш дух смущается, то лучше отдаляться от сближения, не определяя его духовного состояния. Я смутила вас похвалой, простите меня! Но нужно ли смущаться? Я не верю в то состояние, которое нужно беречь. Если есть что хорошее, его нельзя не видеть, нельзя не признавать его хорошим, но можно и должно приписать его Господу, и откроется новая причина для души смиряться и благоговеть пред Единым Святым и Спасующим. Похвала, иногда и просто почеловечески принятая и ласкающая самость, бывает полезна, как ободряющая унывающий дух. Бывало, при матушке почувствуешь уныние духа от понятия и ощущения полной греховности и немощи своей, и придешь к матушке с просьбой, чтоб она похвалила меня и уверила бы меня в моей способности к спасению. Матушка действительно начнет уверять, и так серьезно и сильно, что я поверю и утешусь, и ободрюсь. И не боялась она поблажить самости, но и ее употребляла как орудие, спасающее против уныния, наносимого иногда силою вражиею. Так десными и шуиями соделывается наше спасение.

12.

1 июня 1871 года

Желаю вам здоровья и духовной крепости, не унывайте в минуты душевной пустоты, это состояние совсем недурное. Молитесь за меня, грешную.

13.

7 июня 1871 года

Все хочется ответить вам на вопросы ваши, цель которых пополнить или разъяснить сказанное мною в письме моем от 13 апреля, но что-то я очень рассеялась и осуетилась и не выберу довольно свободного времени, чтоб написать вам письмо духовного содержания. И скорблю об этом, зная, что вы ждете моего ответа, так что сегодня ночью вижу во сне, что будто бы приехали вы, и я жалуясь вам на свою развлеченную жизнь и прошу вас записать и помнить, чтоб поговорить со мною о моем письме от 13 апреля при другом свидании, когда я буду иметь больше времени. Это показывает, что я забочусь отвечать вам, хоть и не отвечаю.

Вы просите дать некоторые объяснения для того, чтоб войти в делание, о котором я говорю.

Но войти в него невозможно. Ему предает человека то, чтоб человек потерял все, чтоб он нигде и ни в чем не находил надежды спасения. Если это первое условие вполне принято, то почти нет нужды отвечать на остальные вопросы.

Вы спрашиваете: чем занимать ум или внимание, когда помыслам дана свобода увлекать в бездну, и так далее? Но потому-то они увлекают, что нет сил, нет способности держать их. Ум, внимание и все его силы не существуют все равно, как не сущие. Не в уме, не в памяти, не вниманием, а глубоко в душе оживает сознание, что есть Спасающий. Это сознание я называю верою и потому, что она не произведение ума, а живое ощущение души, — она вера названа живою верою, хотя она будет и в самой малой степени и слабая.

Чем выражается вера? Выражается она тем, что не попускает человека искать жизни и спасения своей души ни в чем. Не попускает даже душе действовать для себя и собою. Молитва Иисусова есть выражение живого ощущения веры.

Чем выражается воззрение к заповедям и вера в Закон Божий? Душа, не имеющая ничего вне себя и в себе, на что бы она уповала, познавшая ложность и незаконность всех своих законов (земных и человеческих) и слабость сил своих в исполнении их, — в воле Божией и в ней одной находит тот чистый и святой закон, который естество человеческое выводит из тли. Познание его дается душе, отвергшей всякое составление своего понятия о нем. Закон этот обретает душа в промыслительной воле Божией, в слове Божиим, а полноту его и совершенство — во Иисусе.

Вы говорите: «Если они выражаются исповеданием Единого Спасающего, то я не удивляюсь, если это исповедание приводит к молитве». Исповедание устное приводит к молитве устной, чтоб не сказать чувственной. А исповедание, присущее душе, отвергшейся всего, исповедание жизнью действительно приводит к молитве. Не соблазнитесь, если я скажу, что на пути этого делания не всегда можно оставаться верным деланию внимательной молитвы, но теряя все, теряется иногда на время и труд молитвенного делания. Иисус есть начало и конец, есть цель, есть всех человеческих желаний краю. Он — есть дверь, которою входит человек в жизнь духовную, Он — путь, ведущий к жизни. Он есть и жизнь, вкусивши которой человек будет мертв для всего. До этой последней минуты человек не может умереть для всего, но по вере может и должен потерять все, прежде чем приступить к той Двери, которая вводит на путь, его же мало кто обрящет.

Еще о законе. На днях во время Литургии читали Послание апостола Павла к Римлянам: «О законе». Несколько дней шло это чтение. Закон чем больше требовал, тем более немогствовал человек. В нем открывалась греховность, наконец, совершенная невозможность исполнить его. Господь [Иисус Христос](#) умертвил в Себе [грех](#) и упразднил правду законную, убивающую человека, приобщив его закону благодати, жизни и свободы, который открыл ему в Себе. Не умею высказать, но так мне чувствовалось при слушании Послания апостольского. Моей душе открывался тот закон, который дает жизнь, а не смерть. При этом, что может носить память, кроме имени Иисуса?

14.

26 июня 1871 года

Сегодня отправила отцу Архимандриту письмо, в котором жаловалась на вас, а посланная моя, относившая то письмо на почту, принесла мне с почты два ваших письма: от 14-го и 17 июня. Очень обрадовалась я этим письмам и утешилась всем, что в них написано. Обрадовали они меня еще более потому, что в последнее время письма ваши ко мне стали как-то кратки и редки. Причиною этого, может быть, были гостившие у вас родные ваши, но мне думалось, что есть и другая причина. Мне показалось, что вы смутились некоторыми моими словами и взглядами на духовную жизнь. Эта мысль меня очень огорчила. Не потому, что я желаю от вас безусловной веры к моим словам, но потому, что я не сумела хорошо, точно и правильно

изложить учение моей духовной матери, и словоее, животворящее мой дух, перешедшее через мои уста, принесло смущение слышавшим. Простите мне мое неразумие и немощь моего духа, искажающую святую истину, и не спешите чуждаться меня. Вспомните, с каким смелым и решительным требованием духовного общения я приехала к вам. Родство духовное было признано еще тогда, как я не видала вас, потому-то я требовала от вас, как от родных, чтоб вы его признали. И теперь потерять общение с духовной семьей Преосвященного Игнатия — это значит остаться опять в совершенном духовном одиночестве, а это очень тяжело.

Если я говорю иногда, что есть различие, то я признаю его не в духе, не в направлении, не в основании и цели, но в некоторых приемах духовного пути. Это различие я замечаю не между Владыкой и моей матушкой, а между нами. Правда, что оно связывает меня немного, но и оно со временем должно разъясниться. Потерпите же и вы то, что видите во мне или в моих словах не вполне понятное для вас, или даже чуждое. Я сильно верую, что если мы будем по возможности верны словам наших духовных руководителей и по милости Божией не отчуждимся от их духа, то никогда не будем чужды и друг другу.

Теперь буду отвечать на ваше письмо от 14 июня. Сличая мои слова о том, чтоб не стараться выйти из мертвенности со словами, читанными вами во 2-м томе Аск. опытов (Имеется в виду: Св. [Игнатий \(Брянчанинов\)](#). Аскетические опыты. — Ред.), на стр. 525, строка 2-я сверху, вы говорите, что, по-видимому, есть различие. Да, различие есть и не может не быть, потому что говорится о различных состояниях или преуспеваниях духа. В состоянии мертвенности, в которой я нахожусь, еще не может быть правильного зрения своей греховности. У мертвеца нет глаз, чтобы видеть; нет языка, чтобы просить. В этом состоянии может быть одна вера, хоть не живая, но твердая и непоколебимая, что Создавший может вновь воссоздать, если будет угодно Его благодати и Его всесвятией воле, все устрояющей для спасения человека. Когда же начнут открываться очи, то тогда зрение греховности своей бывает не принужденное, но естественное состояние души, причем естественен и вопль постоянный души о помиловании. Но переход из одного состояния в другое не может быть самовольный. Можно, конечно, прийти в это зрение самому, потому что ум, обогащенный чтением слова Божия, может воображением входить во всякое духовное состояние, может шевелить чувства, умилять их на время, и этим утешиться, но это неправильный путь, и этот труд бесплоден. Что сам берешь, то сам и должен хранить и непременно утрачивать при малейшем столкновении с жизнью, с действительностью, потому что состояние было ложно, мечтательно, воображаемо. А то, что приходит от Господа, то состояние, в которое душа вводится Самим Господом, бывает вечно, неизменно. Это не взятое ею делание, а ее состояние. Лишиться его она может только тогда, если совсем сойдет с духовного правильного пути, а столкновения внешние, даже свои собственные немощи и страсти, не отымут у нее того, что сделалось ее вечным достоянием.

Но и самое ощущение мертвенности не может быть взятое, оно приходит от полного познания живущей и действующей в нас самости и от решительного намерения не жить в этом противлении Господу. Вы спрашиваете: как стать в правильные отношения к ближним, чтоб от собеседования с ними могла быть общая польза и чтоб они не расстраивали обыденный порядок жизни. Можно давать только то, что мы имеем. Вы имеете большую веру к слову Владыки, эту веру вы сообщайте всем беседующим с вами, и в беседе и в вас она оживляется. Вот и польза от собеседования. А вреда большого от рассеянности я не вижу. Конечно, ваш дух развлекся тем, что вошел сочувствием в отношения семейные и общественные ваших родных, но это не значит, что они внесли в вашу душу расстройство, они открыли только то, что живет в ней. И вот в эту минуту оживания чувств и должна быть внутренняя борьба. А борьба состоит не в том, чтоб не хотеть видеть в себе оживание некоторых чувств, но в отречении того, что рождает их в душе, и в терпении как их обнаружения в себе, так и того страдания, которое последует отречению, и

той борьбы чувства, которое отвращается духовного закаления, которое противится ему. Такая борьба очень очищает чувства и научает познанию себя и духовному разуму. Постоянное уединение и строгое хранение себя едва ли полезнее некоторых уклонений от обыденного порядка и борьбы, последующей за ними.

29 июня 1871 года

Поздравляю вас с днем вашего Ангела, и все, что только может пожелать душа душе спасающейся, было выражено в моем молитвенном желании об вас сегодня.

16.

10 сентября 1871 года

8 сентября все мои собрались у меня и пили чай в той комнате, которая около гостиной, — она очень маленькая, — я сидела и лежала на кровати, кто на стуле, кто на скамеечках, кто на ящиках, кто просто на полу, — всем было хорошее место. Разговаривали. Общее требование высказалось в том желании, чтоб я указала, что нужно, что потребно для спасения, что есть спасение души? Требование это вызвало мое любимое слово, вызвало меня на то, чтоб я указала им, что — единое нужное, единое на потребу, единое, дающее спасение и жизнь духу, единая цель, к достижению которой стремятся все души и все духи Ангельские, — есть Господь. Но для того, чтоб все пришло к этой единой цели, чтоб все в душе объединилось Единым искомым, нужен труд всесторонний, чтоб во всем трудилась, во всем находилась душа и от всего отрешилась. Во всем искала Господа, искала добра, приводящего к Нему, и отрешилась от себя, от того зла, которое отчуждает от Господа и возвращает самость. При этом я не могла не указать на те сети, которыми опутывает враг души человеческие, обманывая их и отводя от спасения. Знает он, бывший Денница, к какой славе и блаженству призывается человек, и всеми силами старается попрепятствовать исполнению воли Божией во спасение человека. И подмешивает он свою сладость ко злу, чтоб ею уловить души наши, и любим мы эту сласть врага и ею заменяем вечное блаженство. Полюбим лучше, говорила я, горечь подвига духовного, болезнь отречения, чтоб этой горечью и болезнью избежать сетей вражиих и выйти на путь, ведущий к Единой цели, к Единому Спасению, к чему во всю вечность будут стремиться духи и души праведных. Мне грустно, что ваши отношения к А.Ж. приняли такую натянутость. Есть в ней то, что может быть залогом вашей неизменной дружбы к ней, — это ее искание Господа. В отношении меня, что бы ни было у нее, — я человек, около меня искать нечего, и общение ради меня такое же непрочное и ложное, как и я сама. А ради Господа, и в Нем Одном общение душ вечное. Поэтому вам не следовало бы отдаляться от нее, нужно только поверить ее желанию спасения и помогать ей в этом искании: то подкрепить ее дух унывающий — силою веры, то возбудить ее стремления ко спасению, объясняя пользу отречения от того, из чего слагается жизнь земная и ее утешения, и так далее. В отношении А. Ж. вам нужно тоже приобретать любовь к ближнему, ту любовь, которая не ищет своей пользы, но пользы и спасения ближнего.

17.

21 сентября 1871 года

Не стесняйтесь писать ко мне и часто и много, никогда меня это не отяготит. А если бы что и отяготило, то зачем же беспокоиться об этом, разве не к труду мы призваны? разве труд не есть наше настоящее дело? Да избавит нас Господь от дел увлеченных, приятных, сладких, как я выражаюсь, а от труда я не желала бы уклоняться.

18.

5 октября 1871 года

Не отвечаю на все ваши вопросы духовные, надеюсь скоро видеться и беседовать с вами. На сегодня скажу только одно, что исповедание Господа спасающего, как духовное делание, может быть принято душою не только в течение целых часов и дней, но даже и годов. Не скажу, чтоб оно заменяло молитву, но в нем может пребывать душа долгое время, не переходя к молитве,

если сама молитва не придет. Когда от лености, от рассеянности нет молитвы, тогда нужно ее поискать с трудом; когда от восстания страстей отходит она, тогда надо побороться и отречься от причины страстей; когда от уныния, от помрачения душевного не находит ее душа, тогда лучше всего пребывать в исповедании Единого спасающего.

19.

30 ноября 1871 года

Наше стадо понемногу прибавляется: вчера была принята под руководство еще одна послушница, после целогодичного испытания нашего искания и ее. В монастыре у нас утвердилось такое убеждение, что ко мне под руководство духовное так трудно попасть, что лучше и не искать этого; кто же решится поискать, тот решается всею душою. Отчего же я так стеснила вход к себе? Оттого, что очень тесен путь. Тесен он тем, что требует отречения полного, тесен тем, что ни в себе, ни около себя не дает человеку видеть опору на этом пути, тесен еще более тем, что во мне, как в названном руководителе, видит трость ветром колебимую, часто приклоняющуюся к земле и почти сокрушенную. А в руководителе всегда хочется видеть твердый жезл, на который во всякое время можно было бы опереться. Но этого я не могу и даже не хочу дать. Довольно того, если руководитель укажет, где искать, где найти это жезл, и блаженна душа, если найдет его, этот непоколебимый жезл опоры, в Едином Крепком и никогда Неизменном, вечно Живущем Господе.

20.

10 декабря 1871 года

Жду от вас письма, уведомляющего меня о том, что уединение, молитва, чтение и вообще вся обстановка жизни монастырской принесла вам душевное спокойствие, укрепило ваши силы для того, чтоб вновь начать делание спасения, и что в этом делании вы ощутили усиление веры, которой дала место самость, разбитая немощами. Да, на почве смирения вырастают хорошие плоды. В познании греховности своей душа верою познает Господа. А в самости, что она будет видеть и знать, кроме себя? А свое «я», как бы оно ни было хорошо и украшено добром, — что оно может дать? Ни света, ни жизни. В нем есть сила, страшная, воюющая против всех заповедей Божиих, против ближних, против Самого Бога, сила, убивающая самую душу, лишаящая ее добра, жизни, Бога. В минуты покоя трудно усмотреть, какой дух движет всеми действиями человека, даже добрыми, даже стремлением ко спасению, к добру, к Богу. Но во время искушений обнаруживается то, что было неясно. Если Господь управлял душою, то время искушений будет для души временем побед и венцов, временем сильного преуспения. Если же самость управляла действиями человека, то во время искушений сила ее на нее же обращается и мучит бедную душу, как пленницу, отводя ее в самую глубь ада.

Но все-таки эти минуты лучше воображаемого покоя. В эти минуты душа может правильно понять свое состояние, не обманывается воображаемым добром своим, и понятий ума не сочтет своим достоянием. В это время, если только правильно отнесется ко всему, в это благословенное время, может низко, низко сойти душа. И если она согласится полюбить свою низость, свою полную нищету, если отдаст предпочтение ближним и Господу, — порадует, что Он Один высоко и что есть приближающиеся к Нему из моего естества, тогда вкусит утешение от того добра, которое не самость создает, но ее умерщвление. Говоря вам о том, что я считаю полезным немоществовать иногда, я говорю вообще; вашего же теперешнего состояния я не знаю и, признаюсь, даже не понимаю, отчего могло произойти такое сильное немоществование. Думаю, не огорчила ли я вас чем? Отец Архимандрит говорит правду, что я к вам слишком строга, он очень не хвалит меня за это, а мне кажется даже больше этого: по отношению вас я беру на себя не свое. Простите мне эту дерзость, и в знак совершенного прощения выскажите то, что имеете против меня. Только полная откровенность может

уничтожить то стеснение, которое я замечаю в вас. Помолитесь за меня, многогрешную, но желающую вам всего доброго, спасительного.

21.

1 января 1872 года

Поздравляю вас с новым годом, желаю вам здоровья, мира душевного и обновления жизни. Великий Арсений говорил ежедневно: «Господи! ничего доброго не сделал я, даруй мне хотя с нынешнего дня начать!» А нам хотя бы с каждым новым годом начать вновь, с новым произволением, с новым стремлением духа отречься от всего старого в нас, чтоб приобрести общение с тем новым, обновленным естеством, которому обещано воскресение. Даруй, Господи, начать и чаще, чаще начинать.

22.

4 марта 1872 года

Теперь вы уже в Петербурге. Господь да благословит вас и да поможет вам потрудиться в пользу истины! Вы боитесь рассеянности при встрече с родными и знакомыми и, конечно, рассеянность будет, но только бояться ее не следует. Сидя в келлии, мы боремся с помыслами страстными, греховными, а среди людей — с самими страстями. Вот и выходит одно и то же, только в последнем случае борьба обширнее, живее, действительнее. В келлии мы изучаем слово Божие, а среди людей должны стараться исполнять его. В Петербургских гостиных заповеди Божии могут исполняться на деле, и вы не сетуйте, что не успели выписать их из Евангелия. Исполняться же они могут тогда, когда вы свою душу будете становить на пути самоотвержения, а целью действий своих будете иметь отречение. Это состояние души сейчас же укажет на то, что должно быть в ее отношениях с людьми, с ближними. Она сейчас найдет эту среднюю меру, которая чужда сласти, человекоугодничества, как одинаково чужда холодности, жестокости, жесткости. Эта средняя мера есть любовь. Не беда, если вы увлечетесь иногда и понемоществуете, но беда, если при этом вы сойдете с того места, где я советую вам стоять. Блаженное самоотвержение! Пребывая в нем, и среди огня не сгоришь, и среди воды не утонешь, а с самостью не только в затворе келлии, но и в самом раю погибнешь.

23.

8 марта 1872 года

На первой неделе мы говели, и в воскресенье мне что-то захотелось поговорить со своими дочками. Собралось их человек десять и, между прочим, говорили о любви к ближнему. Ближнего надо поставить на то место, где сам стоишь, значит, прежде надо сойти с того места, где стоишь. Где же это то место, где стоишь? Это весь мир, видимый и невидимый. Везде самость захватила все себе, ничего не хочет уступить ближнему, и как же может любить душа ближнего, когда чувствует, что он у нее все отнимает, имея на все такие же права, как и она. Вот она и видит его врагом своим и ненавидит его. Надо все у себя отнять, чтобы уступить все ближнему, и тогда-то, вместе с ближним, душа обретет и Господа.

24.

5 апреля 1872 года

Сегодня прочла в книге Исаака Сирского одно слово и так осталась довольна и утешена им, что закрыла книгу. Он говорит, что «для верующего любовь к Богу достаточное утешение и при гибели его». Желаю, чтоб это слово утешило и вас и придало вам силу даже в самой немощи вашей.

25.

15 апреля 1872 года

Накануне светлого праздника Пасхи пишу вам и поздравляю вас и желаю вам встретить его с духовной радостью. Мы не приготовили себя как следует, или даже хоть сколько-нибудь к

тому, чтоб радоваться духом, но самое событие, воспоминаемое грядущим праздником, так велико и благотворно, что оно действует радостно, светло и во тьме.

26.

25 января 1873 года

Благодарю вас и всех близких мне по духу, всех сострадавших мне. Общая любовь, общая молитва умиливали милосердного Господа, и моя болезнь, видимо, подалась. Конечно, далеко до того, чтоб сказать, что болезнь прошла, думаю, что она потребует еще продолжительного лечения и ухаживания за собою, но она настолько уменьшилась, что бывают часы, когда я забываю, что болезнь живет во мне, и живу и действую так, как живут и действуют здоровые. Отец Архимандрит уехал от нас 22-го числа. Много, очень много утешил он меня своим приездом. Чем более я знаю его, тем более вижу в нем плоды правильного духовного руководства. Моя душа отдыхает в беседе с ним, а его способность к самоотвержению удивляет меня и укрепляет мой слабый дух. При всем, что он имеет доброго, в нем есть еще такой задаток к духовному восхождению, что я не знаю и меры его будущему преуспеянию духовному, если Господу угодно будет продлить его жизнь телесную и духовную. Все это я говорю вам одному, — он не любит, когда я ему пророчествую что-нибудь больше сознания греховности своей, но это-то сознание и есть основание, с которого никогда не должна сходить душа, и если потерять его, то не только большого не получишь, но погибнет и путь, ведущий к добру.

27.

16 февраля 1873 года

Письмо это вы получите в Великий [пост](#) и это будет очень кстати, потому что вы наверно более другого времени будете склонны прощать ближнего, а этим письмом я прошу прощения у вас, так как пишу его на последних днях сырной недели, в дни, назначенные Православной Церковью для прощения. Всегда нам найдется, за что прощать друг друга, и я нахожу покой, когда сочту себя виновной. А пред вами я виновата в том, что часто требую от вас того, чего сама не имею, — простите.

28.

20 февраля 1873 года

Поздравляю вас с наступившей Четыредесятницей, которую желаю провести в совершенном здоровье и духовном подвиге. Мы по обычаю монастырскому, говорим: «с душевной пользой», но польза не от нас, а от Господа, об ней будем молить Его милосердие, а я желаю вам пребыть в подвиге, потому что подвиг — от нас, в нем пребывать нам нужно непрестанно, а теперь и время способствует ему и Церковь помогает. В чем же должен состоять подвиг? и какая цель его? Подвиг должен состоять в отрешении тела от сонливости, от лени, чтоб оно бодро стояло на службах церковных, на келейных молитвословиях. В отрешении души от уныния, ума — от помыслов суетных, сердца — от чувств страстных, чтоб всецело внутренний человек предстоял пред Господом. Это-то и есть цель всех подвигов. Но приведет ли Господь достигнуть желаемой цели? Об этом опять не нам рассуждать, а подвиг оставлять было бы грешно и только одно уныние, подкрепленное неверием, основанное на развлечении, может пренебрегать им, сделавши своею целью удовлетворение своих страстных влечений. Но нехорошо и то, что вы очень унываете от напора искушений. Бросьте свое смущение, я не хочу его видеть в вас! Помыслы безнадёжны — от врага, а я не хочу, чтоб вы прислушивались к его внушениям. Господь не попустит нас погибнуть. Он победит врага и наши страсти. Он дарует нам вечное спасение Своим непобеждаемым милосердием. Я верую в это и, зная вашу душу, не нахожу вины не иметь и вам этой веры, полной и неизменной. Немоги наши не погубят нас, но может погубить нас неверие, от чего да избавит нас Господь Своим милосердием.

29.

2 марта 1873 года

Вы занялись чтением Петра Дамаскина. Да, я помню, что желала читать его с вами, не для того чтоб читать собственно Дамаскина, но чтоб в своих беседах с вами иметь руководителя. Вам одному его читать не знаю, будет ли полезно? Если б вы читали просто как слово Божие, недоступное пониманию нашему, недоступное толкованию, недоступное усвоению, то тогда всякая книга могла бы без вреда читаться вами. Но вы все хотите усвоить, взять силою и потому выходит, что самое полезное слово обращается во вред. Что если вздумаете усвоить те восемь видений, о которых говорит [Петр Дамаскин](#)? Что если вы будете держать себя силою хоть на первом из них? Думаете, я похвалю вас за это чтение? Нужно знать меру свою, нужно держаться того слова, которое прилично нашей мере, мере невозрожденного человека. «В поте лица твоего хлеб твой снеси» ([Быт. 3:19](#)). И нам ли мечтать о духовных видениях, когда мы еще не попотели в труде, чтоб приобрести свой насущный хлеб, когда земля нашего сердца родит постоянно терния и волчец? Господи! помилуй нас по велицей Своей милости! Господь да покроет вас Своей милостию! Вот желание и молитва преданной вам искреннейше.

30.

31 марта 1873 года

В первый раз я была у обедни в пятницу на Крестопоклонной Неделе. Вошла в церковь в ту самую минуту, как пели: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко. Я прямо подошла и приложилась ко кресту. После долгого и мучительного страдания мне было умирительно, отрадно лобызать крест Христов, прославляемый Церковью, славить Единое искупающее нас страдание. Потом я стала на свое место, пока прикладывались сестры. В это время продолжали петь стихи: «...и древа спасения вкушивши, греховных страстей свободу уллучихом». Моя душа отозвалась на эти слова с глубоким сочувствием. Внесли святой крест в алтарь, ушла и я в церковный придел, где пролежала всю обедню. А потом опять проболела... Всякое ваше делание благословляю, молю Господа, чтоб оно было для вас спасительно, вело бы к познанию силы Божией и своей немощи, к простоте и вере.

31.

1 мая 1873 года

Хотя я буду в Крыму, почему бы вам не продолжать писать мне о своем духовном делании? Я не обещаюсь всегда отвечать вам, но, слушая что-нибудь ваше, я не утерплю, чтоб не сказать вам свое, а если Господь вразумит меня, то Его слово.

32.

30 мая 1873 года

Вы просили меня сказать вам свое мнение об определении отца Архимандрита, что вас надо держать в грязи. Я думаю, что это для нас с вами слишком высокое слово. И потому, что у вас нет и решимости быть затоптану в грязи, нет и веры к тем, кто бы вас там поддержал, да у кого же найдется столько самоотверженной любви, чтоб вас перевести чрез эти непроходимые, низменные болота, в которых не только смиряется ум, но теряется и обоняние и вкус ко всему, что есть хорошего на белом свете? А иного пути-то нет — вот в чем наша беда.

33.

3 июня, Себрово

У нас сегодня с родными был разговор об уме. Выше его и дороже его ничего нет в человеке, а я говорила, что прежде и мое суждение было такое же, потому что умом познаем мы все, что есть хорошего и прекрасного на свете. Но теперь я согласна лишиться и ума, лишь бы не лишиться веры. Ум и чувства — это орудия века сего, они усовершенствуются или умаляются, судя по летам и по направлению жизни каждого. Вера — это око души; она душу вводит в

бессмертие, в силу духовную. Но сама вера, как человеческое чувство, тоже ничто, а Господь, к Которому приводится душа верою, — Он есть сила и источник жизни вечной, в Нем и чрез Него все бессмертно, все свято, все неизменяемо. Что же после этого ум человека? Без Бога, без Господа, он — безумие, он ничто.

34.

Феодосия, 31 августа 1873 года

Не понимаю, на чем основана ваша жизнь, когда маленькая рассеянность, — переделка окон в келлии и т. п. — может вас наполнить помрачением, пустотой и безжизненностью? Пойдите всмотритесь, поймите на чем была основана жизнь того великого старца (кажется, Сисоя), который говорил: «Если небо с землею столкнется, и тогда не ужаснется душа моя и не отлучится ум мой от памяти Божией». Где же теперь вы, и на чем стоите? Или тот, кто говорил: «ни высота, ни широта, ни глубина» и т.д., или: «Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад, Ты тамо еси» ([Рим. 8:39](#); [Пс. 138:8](#)). Отчего же вы все теряете от переделки окон в вашей келлии? Оттого, что только ум свой отдаете в работу, им одним все хотите приобрести и держать, а сердца своего боитесь отдать в рабство заповедям Божиим, боитесь, что ему будет больно. Вот оно-то, наполняясь ощущениями чуждыми, не дает и уму стоять на том месте, где вам хочется его держать.

35.

25 сентября 1873 года

...Но не спешите уверять меня, что вы ее простили уже, что помирились с ней в душе. Я не поверю минутному увлечению чувства. То, о чем я говорю, — дар Божий. Это невозмутимый мир, это любовь — все носящая, которая дается душе по очищении ее не только от пристрастий, но и от страстей. Наше же дело познать их в себе и подъять труд отречения от них. Но и увидеть их в себе мы не могли бы, если б Господь, по человеколюбию Своему, не открывал бы их в нас, посылая такие обстоятельства, которые их обнаруживают в нас. Познается же страсть в душе, когда ощущается болезнь сердца томящая, давящая, возмущающая помыслы душевные, наводящая уныние. Пока не ощутила душа свободу, пока не вкусила мира и любви, — не говорите и не думайте, что пристрастие было уничтожено. Оно только огорчено, приняло другую форму и в этой-то форме его возможно стало узнать. Когда оно услаждает, тогда его трудно познать, а когда огорчает, тогда легко. Благодарите же Господа, что Он дает нам познание пристрастий и страстей наших и Сам выручает нас, освобождая от них душу горькими опытами жизни, а еще больше святым и Животворящим словом Своим.

36.

19 декабря 1873 года

Душевное состояние мое таково, что требует много труда. А в труде нужно потерпеть, и еще потерпеть, и еще потерпеть. Чтоб цель терпения был труд, чтоб цель труда — выносливость в терпении. Дальше этого не должен идти труд, ближе этого не должно останавливаться терпение. Но без Господа, ни того, ни другого не достигнет душа и опять: трудится и терпит с немощию и самоукорением.

37.

26 февраля 1874 года

...Исполняя мои поручения, имейте в виду мою волю и желание и мысль, а не свою. От своих же соображений всегда отрекайтесь, — иначе это будет не послушание, а совершенное самочиние.

38.

30 марта 1874 года

Накануне праздника Святой Пасхи поздравляю вас и хотя еще не приветствую вас

радостным: Христос Воскресе!, но желаю вместе с мироносицами приникнуть к тому гробу, где во Христе почилло все человечество от работы греху и диаволу. Моя мысль очень часто бывает с вами и у вас. Да хранит Господь нас всех и нашего отца Архимандрита! Пишите мне чаще, прошу вас, и извещайте об его здоровье.

39.

10 июня 1874 года

Вот вы какой! трудитесь для меня много-много, а сами все укоряете себя, что плохо исполнили послушание, все беспокоитесь, что я буду недовольна. Ведь за это всякий добрый человек удивлялся бы вам и похвалил бы вас за смирение, за недоверие к себе и своим трудам. Чувствую, что и мне бы следовало так сделать, а я вот собираюсь сделать вам замечание, или, как выражается отец Архимандрит, — нагоняй. Отчего вы не подождали и не потерпели молча? Если бы вправду остались недовольны исполнением вашего послушания, высказали бы вам, и тогда вы могли бы оправдаться и сказать все, что у вас было на душе. А то так много оправданий представили, так смиренно каетесь и укоряете себя, что если бы и действительно была бы в чем-нибудь ваша ошибка, то опять всякий добрый человек, кроме меня, спешил бы успокоить и утешить вас. Но по-монашески ли это? Где тут иноческое терпение, молчание, подклонение под все случившееся? Где путь к тому, чтоб дать действовать обстоятельствам, руководителю сущу Самому Господу? Во всем действует самость, она все поправляет сама, оправдывает себя, очищается, вырывает душу несвоевременно из того состояния, куда поставило ее попущенное Господом обстоятельство, в котором она могла бы поучиться и самоукорению, и смирению, и самоотречению, если бы потерпела и пождала как следует.

Но в том случае ваше смущение было напрасное, и если бы действительно потерпели молча, то и увидали бы, что оно было от врага. Непременно вы почувствовали бы сильные порывы смущения, помрачающие сердце и доводящие до ропота. Это самые явные признаки вражеского смущения. Послушание же ваше так хорошо Господь помог вам исполнить, что за него, кроме благодарности, я не имею ничего больше сказать. Вы все уповаете на руководство людей, и даете ему много цены. Конечно, оно было бы так, если б имелись духовные руководители, теперь же, в наше время, видимо, Сам Господь руководит души, ищущие спасения. Вот и вам своевременно посылает Он то, что вам на пользу. Я могла только усмотреть вашу нужду духовную, когда говорила вам об исполнении заповедей, а Господь посылает вам и обстоятельства и дела, где вы можете поработать и потрудиться. Но от человека ли это? Нужно только законно трудиться и всеми силами, чтоб не только работал дух, терпением сдерживая порывы ума, смирением — все порывы сердца, но чтоб познала душа всегда и во всем Единого Господа, Сущего всяческая во всем.

У меня очень много дела, так что едва достает сил на ежедневные заботы. Но жизнь идет своим путем. На днях, возвращаясь с кирпичного сарая через сад, я посетила схимницу в ее затворе и передала ей понятие, вновь открытое моей душе о памяти смерти. А еще нет времени передать ей о памяти Страшного суда. Вам же скажу, что эта память имеет началом заповеди Божии, которые при постоянном деятельном обучении в них, делаются постоянным судилищем, с которого не может никуда уйти душа, тем менее забыть его. Думаю, что тогда молитва не далека будет от сердца, всегда подсудимого, всегда осужденного за свою нечистоту, за всечасные уклонения. Но довольно...

40.

15 июля 1874 года

...Потому-то и не сказала вам до сих пор, что я была крайне утешена милостию Божиею, сподобившею меня присутствовать при закладе церкви.

Лик чудотворной иконы Казанской Божией Матери во время закладки, освещенный

солнцем, был так радостно светел, что я не могла без умиления молиться Ей. Митрофанию нашу постригли 13-го числа, в день Архангела Гавриила. С таким чувством унижения и прочувственного смирения она распиналась, что все присутствовавшие были тронуты и проникнуты страхом, а меня, покрывавшую ее мантией, оно умило и сочувственно сокрушило.

41.

20 августа 1874 года

...Вы спрашивали о молитве. Но я много говорить о ней не могу по малоопытности. Молитва веры, молитва при сознании своей греховности, всесторонней немощности и недостаточности, — вот единственная непрелестная молитва человека, не достигшего чистой молитвы. А о чистой молитве мне говорить неприлично, как не имеющей ее. Она дар Божий, она венец жизни иноческой, она возможна при действии благодати Божией в сердце, или лучше сказать — она есть само то действие благодати. Путь к ней — чистота.

Чистоту помыслов и чистоту чувств не трудно приобрести уединением, чтением, упражнением в молитве; но чистота сердца многими смертями приобретается, она есть совлечение страстей. Попробуйте уединиться на некоторое время, попробуйте отрешиться от всякой заботы и попечения, отдайтесь молитве, и вы увидите, как улягутся смятенные помыслы, как успокоятся раскаченные чувства, вы начнете в мирном и внимательном настроении молиться. Но там, в груди, есть тяжесть непонятная, которая давит и давит. Без всяких порывов, без всяких желаний, но лежит, как камень, на сердце, производит тьму и тесноту, которая, как стена, стоит между душою и Господом. Эту стену может разрушить только благодать Божия, при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим. А для нас, во тьме страстей живущих, необходима молитва сокрушенная при вере в Господа спасающего.

42.

6 марта 1875 года

Помните, я говорила вам о том, что желаю положить начало, но какое начало, не сказала. «Терния и волчцы возрастит тебе... земля», и «в поте лица твоего хлеб твой снеси» ([Быт. 3:17-19](#)). — Вот это начало. Земля моего сердца постоянно родит терние страстей. С трудом искоренять их, при постоянной бдительности над сердцем, решается воля, усматривая их разумом, действуя на них именем Господа Иисуса Христа.

13 апреля 1875 года — 15 июля 1874 года

Христос Воскресе!

На первый день Пасхи приветствую вас православным приветом и от души желаю, чтоб он отозвался радостью в вашем сердце. Христос Воскресе! Только потому и не радуемся радостью совершенною, что не умирали со Христом, не распинали с Ним и о Нем нашей плотской воли. Воскресению этой воли нашей, оживающей исполнением какого-нибудь страстного, греховного дела, мы радуемся более и живее. Будем же плакать!

44.

8 мая 1875 года

...Сожалею о болезни вашей ноги. Болезни — напоминания смерти, и надо готовиться к ней. Слышу, что вы спрашиваете: «как?» — Думаю, отречением от земли, от всего, что составляет ее жизнь и сладость. Довольно работать страстям, служба им кончена, счета сведены, и если в этой работе душа успела помощью Божиею приобрести терпение, самоотвержение, смирение, то она не вотще трудилась, работая им. Но все же не это искомое, ей надо идти дальше.

45.

21 июня 1875 года 15 июля 1874 года

Прочитывала я присланное вами сновидение Снеессоровой, и нахожу, что все написанное в нем истина. Описание духов и их действие на ум чрезвычайно верно. Когда человек живет земною жизнью, то он не может познавать, насколько дух его находится в порабощении, в зависимости от другого духа; не может этого вполне познавать потому, что у него есть воля, которою он действует как когда хочет. Но когда со смертью отнимется воля, тогда душа увидит, чьей власти она порабощена. Дух Божий вносит праведных в вечные обители, просвещая их, освещая, боготворя. Те же души, которые имели общение с диаволом, будут им обладаны. Вот потому святые отцы, зная тайну эту, руководствуют нас к истинному обетованному спасению путем не мечтательного делания, но действительного подвига душевного и телесного. Со смертью разрушится мечта. Она разрушается и при жизни, когда сном ли, болезнью ли, усталостью, разъяснением, различными искушениями ослабеет наше произволение направлять себя на добро. Видим мы в эти часы и дни немощи, что наша храмина создана была не на камени, а на песке мечтательности: не составляем хороших мыслей — и не пребывают они в уме, не сочиняем добрых чувств — и нет их в сердце, и расхищает диавол ум наш и увлекает сердце туда, куда попускает его увлекать живущее в нас зло. А чтоб это [зло](#) искоренилось из естества нашего, нужна особенная благодать Духа. Но и со стороны человека, Богу помогающе, нужна деятельность немечтательная. Она бывает немечтательная тогда, когда человек действует теми именно свойствами, какие есть в нем, очищая их отречением от греховности, а не унижением своих человеческих свойств. Труд в заповедях Божиих — единый неложный путь ко спасению; он врачует самое естество греховное, образует его в подобие Божие и делает так, что всякое добро естественно его сердцу, как всякая истина естественна возрожденному (Духом Божиим) уму. Не успела я кончить, как желалось...

46.

4 февраля 1876 года

На воскресном чтении у нас читалась беседа Владыки на [Отче наш](#). Все сестры были очень довольны и слушали не только со вниманием, но и с любовью. Одна я ничего не поняла, а главное не поняла последних прошений: Да будет воля Твоя! Но как познать эту волю

всесвятую? А принявши от Господа некоторое познание ее, как творить, когда к творению собственной греховной воли влечет неудержимое стремление моего падшего естества? Какое воспоем песнь Господню на земли чуждей? А потому единственная правильная деятельность души, пребывающей на реках Вавилонских, — «сидеть и плакать». Желаю вам всего, что может служить ко спасению и преуспеянию душевному.

47.

6 февраля 1876 года

Вчера мы читали житие [Антония Великого](#); Слово его о добродетели мне очень понравилось... Посылаю вам отрывок из этого чудного Слова. Как просто и истинно. — «Не приходите в страх слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она не далеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Еллины, чтобы обучиться только словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного, или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде высказал: Царство Небесное внутри вас есть. Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле; потому-то добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает какою сотворена: сотворена же она доброю и совершенно правою. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: «исправите сердца ваша к Господу... Израилеву» ([Нав. 24:23](#)). И Иоанн говорит: «правы творите стези» ([Мф. 3:3](#)), ибо душе быть правою — значит разумной ее силе быть в такой согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается не сообразна с естеством, тогда называется сие пороком души. Итак, сие дело не трудно. Если пребываем какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если б добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем Господу душу как принятый от Него залог, чтоб признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какой сотворил ее Бог. Будем же домогаться, чтоб не властвовала над нами раздражительность и не преодолела нами похоть, ибо написано: «гнев мужа правды Божия не содеывает... похоть же зачещи рождает грех, грех же содеян рождает смерть» ([Иак. 1:20, 15](#)).

48.

7 февраля 1876 года

Вчера я читала одной послушнице эти слова Антония Великого. Я говорю ей, что эти слова так ясно и просто указывают на деятельность духовную, а она, эта послушница, говорит, что напротив, ей они кажутся непонятны и непросты, потому что в себе она не видит и не находит того естественного добра, которое святой отец увещевает хранить, а напротив, что в себе она видит только тьму, мрак, жестокость и влечение ко всему злу, и оживание чувствуется только при удовлетворении этого зла, или хотя при последовании ему, так что она считает зло более естественным своей душе. Вот как сроднился с нами порок, какую власть взял враг над нашими душами! И кто может победить его, выйти из-под его власти, увидеть стези света? Только Тот может освободить нас, Кому все возможно; Он рече: «да будет свет. И бысть свет» ([Быт. 1:3](#)). Не хочу же я после этого признавать над своей душою никакой власти, никакой силы, никакого влияния кроме Его всемогущей власти и силы и Его животворящего действия.

49.

9 февраля 1876 года

Не могу вас похвалить за письмо к П. Вижу в этом не только крайнее самочиние, но даже неуважение к моей просьбе... Я просила вас ничего не писать, и вы мне дали слово не действовать по этому делу, не сообщивши мне предварительно плана своих действий. Надеюсь,

что само дело накажет вас и научит не самочинничать, а я наказываюсь за то, что свое дело отдала в руки мирского человека... Мне жаль, что я вас огорчила в начале этого письма. Покажите деятельное послушание принятому от меня слову: не допускайте скорби до сердца, обратите свое чувство к ревностному желанию вновь полагать начало отвержению своей воли, и в деле, и в слове, и в помысле, и перед мною, и пред всеми, с кем случится жить или встречаться, или говорить.

50.

14 февраля 1876 года

...Если любить ближнего для себя, надо желать исполнения своих хотений, своей плотской воли. Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желание. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию и ходить непорочно в оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа. Отречение нужно, необходимо нужно, но не от человека, не от вещи, а от своего пристрастия к тому или другому. Будем же отрекаться от себя, чтоб дать славу Господу, спасающему нас.

51.

20 февраля 1876 года

Вы чувствуете перемену в своем духовном состоянии, — слава Богу! Слово Божие, принятое с верою, действует самовластно. Но оно действует тогда, если со всей простотой, безыскусственностью и смирением живет душа, отдавшись верою Его водительству. Господь посылает обстоятельства, попускает немощи, скорби, лишения, при которых является в душе особенная борьба, особенный подвиг.

Тогда-то слово Божие, принятое верою, руководит душу, дает ей правильное познание своего состояния, ставит ее в должное отношение и к встретившемуся обстоятельству и указывает ей, где и в ком она должна искать неизменную опору. Из этого душа на самом деле познает, что спасает ее Божество, как говорит схимница, даруя словом Своим — правильное познание; обстоятельствами — вводя в должную деятельность; оставлением — приводя ко взысканию. Все наши вам кланяются и считают своим, несмотря на то, что вы человек мирской. Желаю вам и себе милости Божией. Мне немного нездоровится, но болезнь тела нетяжела, тяжело болеть душою и не находить врача. А врач всегда около нас. Врач, Который взял на Себя грехи наши и «язвен бысть... за беззакония наша» ([Ис. 53:5](#)). Он о нас болезнует, а мы язвою Его исцелехом.

52.

16 марта 1876 года

«Как это, — спрашиваете вы, — будем отрекаться от себя, чтоб дать славу Господу, спасающему нас?» Объяснить этого нельзя, но, думаю, что когда Господь воздаст душе радость спасения Своего, тогда она поймет, что обрела Его там, где потеряла себя; и ощущение спасения восчувствовала там, где вкусила горечь смерти; и прославила Господа, спасающего ее там, когда все ухищрения ее спасти себя оказались ложными, когда она от всех отеклась, как от мерзости и неправды. Господи, Ты Сам спасение души моей!

53.

27 марта 1876 года

Сегодня в обедню схимница стояла около меня, в своем уголке. По окончании обедни я позвала ее к себе праздновать день воскресения Лазаря. За чаем прочла ей из Лествицы слово 1-е, 6. Потом о темнице, потом разобрала с нею весь Великий канон [Андрея Критского](#), как он изложен. В начале изображен человек, весь исполненный греха; все виды грехов и пороков в нем вкоренены. От этого видения своей греховности в нем является некоторое безнадежие и легкое отчаяние. Но Христос явился на земле. Он очистил все виды греха, искоренил порок во

всех видах и свойствах. Душа получает дерзновение в покаянии, она ищет, как в Силоаме, очистить слезами сердце, она находит в себе силу побороть плотские страсти и лестные помыслы. Но, принося эти плоды покаяния, она познает, что не эта жертва угодна Господу, и, наконец, говорит: «Достойных покаяния плодов не истяжи от мене, ибо крепость моя во мне оскуде, сердце мне даруй присно сокрушенное, нищету духовную: да сия Тебе принесу яко приятную жертву, Едине Спасе!» В этом стихе, как чувствуется моей душе, заключается вся суть Великого канона и великого делания покаяния. После этой беседы и после обеда старица, утешенная, пошла опять в садовую келлию. Напишите мне, что такое «победы знамение». Буду ждать ответа на этот вопрос безотлагательно, а тогда скажу, как я понимала. Даруй нам, Господи, возродиться для новой жизни о Христе Иисусе!

54.

30 марта 1876 года

Вчера я получила два ваших письма: от 15-го и 21 марта. В одном из них вы описываете свое состояние, которое называете тупоумием, и смущаетесь тем, что душа, находясь в этом состоянии, не имеет никаких сил отражать искушения, приражающиеся к ней помыслами и ощущениями. Душа и ни в какое время не имеет силы побеждать ни страсти, ни помыслы о страстях; их побеждает в нас Господь силою Своей благодати. Но вам хочется знать, как должна держать себя душа во время известного перехода, который вы называете тупоумием, когда прекращается деятельность ума, — и унынием, когда прекращается деятельность внутреннего духовного чувства. Состояние души в этом переходе бывает очень тяжело. Для немощного позволительно в это время развлечение. Менее немощному помогают занятия послушанием, духовные беседы и вообще внешние подвиги. А более сильному святые отцы во дни этого душевного зноя давали такой совет: «ешь, пей, спи, но не выходи из келлии, и она тебя всему научит». Испытавшие такой совет называли келлию «пещею Вавилонскою». К чему же приводит последний совет? — К обретению Того, Кого обрели отроки в Вавилонской пещи. Вы наверно пожелаете узнать: кто такой этот более сильный? Это тот, кто имеет правильные духовные понятия. Они дают ему силу во время искушения не уклоняться с истинного пути. А другой силы человек от себя и ожидать не может, потому и несет все в терпении.

55.

Себрово, 18 августа 1876 года

Ваша поездка в Воронеж и теперь не состоялась. Это приводит к мысли, что поездка эта была бы на пользу души и потому так много встречается препятствий к исполнению ее, что вот уже несколько лет, как вы желаете и намереваетесь поклониться святым мощам угодника Божия, и никак не удастся. На будущее время нужно укрепить произволение и решимость.

56.

Себрово, 20 августа 1876 года

Господь повелевает покончить счета (не помню, как именно сказано в Евангелии) с соперником своим, дондеже еси на пути с ним. Пока мы еще на пути жизни, мы можем кончить эти счета, кончить их отречением от того, что нам мешает на пути духовного восхождения, отречением от всего, что сопутствует нам в этой жизни. Когда же окончится путь, тогда не будет и предметов и чувств, от чего бы следовало отречься, останется одна нищета душевная и богатство мучения душевного, как у должника, не успевшего уплатить долг свой. А должник не всегда страдает только тем, что совесть его упрекает, но больше тем, что лишается и того, что мнился иметь: лишается всего достояния, довольства и свободы. — Да, нужно уплатить долг сопернику, дондеже на пути с ним, — уплатить отречением.

57.

16 сентября 1876 года

...За это время много было неприятностей и скорбей, отчасти и болезни... Если тяжелы бывают неприятности внутренние (монастырские), то еще тяжелее внешние, при столкновении с миром. Тогда-то чувствуется беспомощность монашества и ненависть мира. Да, часто при подобных обстоятельствах вспоминаю слова пророка Давида: «Лучше мне впасть в руки Божии, нежели в руки людей жестокосердых». Да избавит нас Господь и да спасет от такого креста, который и святому пророку казался не под силу.

58.

20 сентября 1876 года

...Вчера я была у схимницы, и мы беседовали о том, что много у меня скорбей в настоящее время и что наведением скорбей враг усиливается погубить душу, уклоняя ее в уныние, в ропот, в нелюбовь к ближнему, а Господь, попуская скорби, хочет спасти ее, давая ей возможность борьбою приобрести мужество, терпение, разум духовный и, наконец, смирение, когда самые эти скорби превысят силу. Вот посреди этих путей, стоит душа и куда склонится, тот путь и примет ее, и доведет до своей цели.

59.

13 октября 1876 года

...Вы негодуете на П.П., что он меня награждает крестами скорбей. Нет, вы ошибаетесь, эти кресты не П., а Господь мне посылает, и я ценю их больше золотых, так как они больше всех наших стараний и подвигов очищают сластолюбивую сторону души. И часто, вкушая горечь скорбей, я говорю: Древа спасения вкушивши, греховных страстей свободу уллучихом... Все обстоятельства устраивает великая Десница Божия. Он низит и богатит, низводит и возводит. И как хорошо себя узнать и чувствовать под Его высокой Десницей? Не предай нас, Господи, в руки человеческие неверием в Твой промысл!

60.

10 ноября 1876 года

Письмо А.П. вас встревожило; это понятно, но постарайтесь по возможности предать его воле Божией. Это можно сделать тогда, когда отстранишь собственную волю и не станешь указывать, что лучше и как следует. Мне думается, что надо дать ему свободу пожить, как ему хочется. Если ему наскучила служба в Петербурге, то не лучше ли было бы взять место вице-губернатора где-нибудь в губернии; там жизнь как-то повольней, пошире в своем роде. Ваше влияние на него большое, а поэтому следовало бы теперь остерегаться давать ему советы, они могут быть тяжелы для него и слишком угнетят его внутреннее чувство. Любовь тем и хороша, что она дает свободу, не ограничивает места, до которого она может следовать за любимым, но, напротив, она идет за ним в самый ад. Потому-то она и сильна, и не раз восхищала любимых из дна ада.

61.

29 ноября 1876 года

...Вы спрашивали о памяти смерти. Хорошо иметь память смерти, но с разумом. Когда она служит к отречению, к умирению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не к спасению, а к гибели. Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благодати, Его дарований, туне нам посылаемых, спасения, даруемого Им нам и обстоятельствами жизни и самыми нашими падениями. Все хорошо в свое время, а не вовремя и самое хорошее может послужить во вред. Но есть одно дело, для которого всегда время, это дело — смирение духа, оно лучше всего.

62.

5 января 1877 года

Газеты известили нас, еще во время моего пребывания в Себрове, о кончине

Преосвященного Леонида у вас на Бабайках, а потому я особенно была рада вашим письмам, принесшим мне подробное описание всех этих достопамятных дней. Вот как дивны судьбы Божии! Я была поражена благоговейным удивлением при чтении известия об этом событии. Господь сподобил вас послужить дивной тайне: переходу души в вечность иерарха боголюбивого, подвизавшегося от юности, зачатого в духовную жизнь семенем слова Божия, преподанного Владыкой.

63.

27 января 1877 года

...Всегда, как только случится что-нибудь неприятное для чувств наших или скорбное по отношению обстоятельств, нас окружающих, или что-нибудь вообще противное воле нашей, — вы всегда при этом говорите: «Это попущение Божие». Это слово мне всегда не нравилось и коробило мое внутреннее чувство. Я не давала себе отчета, почему так делается, но сама никогда не повторяла ваших слов и не называла попущением Божиим случающиеся с нами неприятности и скорби. Я называла это волею Божьею. Когда Господь наш Иисус Христос в виду предстоящего страдания крестного молился в саду Гефсиманском, Он не называл чашу скорби «попущением Божиим», но принимал ее как волю Отца. И в нашей жизни все скорбное есть выражение спасающий нас воли Божией. А попущением Божиим мы можем назвать то зло, которое мы делаем. Так мы можем говорить: «Господь попустил врагу действовать, — попустил мне забыть Его заповеди и предаться рассеянности, сластолюбию, роскоши и прочим греховным делам. Но по воле Его постигла меня болезнь, или другая какая земная скорбь и «я вошел в себя и стал отдаляться от греха». Вот видите, где попущение Божие? — Там, где зло, где грех нас постигает, а не там, где скорбь земная, плотская.

Но волю Божию не только нужно принимать, а надо ее и творить, а для этого прежде всего ее нужно познавать. Познается же она душою, когда открывает Господь душе Свою волю Сам. Открывает же Он волю Свою душе, когда она ходит пред Ним в правоте. Это правота состоит главным образом в нелицемерном намерении исполнять волю Божию, в совершенной готовности отречься от своей, в неуклонной решимости принять все, что пошлет Господь, без всякого рассуждения и самооправдания.

64.

24 марта 1877 года

Вчера в обедню, слушая пение стихир, я мысленно говорила вам, или передавала свою мысль: «Господа можно продать подобно Иуде за самую малоценную земную вещь, но взять Его своею собственною силою нельзя». «Сам бо пришел есть спасти блудницу», — поет Святая Церковь. Сам Он приходит к душе, если она не будет Его продавать и делом, и чувством, и мыслию.

65.

10 января 1878 года

В этом году я еще не писала вам и не приветствовала вас с новым годом. Это отчасти происходит оттого, что я не всегда ценю обычаи света и вообще все перемены этого изменяемого мира. Вот был бы действительно новый год жизни, если б душа из тьмы пришла к свету, из страстей — в бесстрастие. А то, что нового у нас? И вчера — страсти и грехи, и сегодня они же с нами, все те же старые, и все такие же новые.

66.

28 октября 1878 года

...Как видно, вы немного унываете. И, действительно, как не унывать душе, когда она останется одна со своими грехами, страстями и немощами? Как ей не унывать, когда она видит в себе только одно зло, одну нечистоту, а сил не имеет выйти из своего состояния гибели и даже

не видит исхода, не видит пути, по которому могла бы выйти? Но когда она обратится к Богу, когда откроется ей бездна милосердия Божия к людям, — пути Его благого промысла, спасающего человека погибшего, когда она начнет искать свое спасение в этой бездне милосердия, когда верую в пути Его промысла, неизреченно спасающего нас, уничтожит в себе всякое сомнение, — тогда почувствует и силу, и покой, и утешение. Тогда отойдет от души мрачное уныние, отвалится камень бесчувствия.

Мир и радость — это плод смирения. Вот пристань, где находили свой покой все добрые подвижники, все скорбящие душою, все жаждущие спасения. Не бойтесь потерять все для получения смирения, не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа все теряет и, неимушая, бесчувственная, — не в силах двигаться. С этого пути скорей всего прийти к смирению отрешением от себя.

67.

9 ноября 1878 года

Сегодня у меня болела щека всю ночь, и потому рука несколько успокоилась, и я имею возможность написать вам... По мнению всех и отца Феодора, лучше бы я совсем не ходила в церковь. После каждого выхода у меня усиливается болезнь. Я и не ходила бы и берегла бы себя больше, если б была надежда на то, что болезнь пройдет, но так как я уверена в том, что она неразлучна будет со мною на всю жизнь, то я пользуюсь часом или днем отдыха, чтоб пойти в церковь, чтоб заняться делом, чтоб послужить чем-нибудь своим сестрам или утешить кого словом, лаской. Бог знает, много ли будет таких часов в жизни?

В эти дни, полные страданий, и в ночи бессонные я очень полюбила молиться молитвою Господнею Отче наш. Только теперь я начала несколько видеть ее Божественное достоинство, ее высоту, ее цену для человека, для души христианской. Она для меня служит и молитвенным обращением к Богу, везде царствующему, всем управляющему, все животворящему, все освещающему. Она направляет мой дух в смирение, мое чувство — к умеренным желаниям в настоящем, мое действие — в пути Божии, мое стремление — в волю Божию. Все мое существо руководствует во спасение, носит меня, заключает в истине. Кроме этого Божественного руководства не нужно ничего; оно одно может направить на истинный путь, дать душе все то, что составляет христианское совершенство. Но довольно. Будьте здоровы и молитесь обо мне, грешной.

68.

3 февраля 1879 года

...Мне трудно писать, но я взялась за перо, чтоб дать весточку о себе и рассказать вам мой вчерашний сон.

Мне снилось, что показывают мне большую картину Тайной Вечери. Покрыт большой стол, за которым сидят по правую сторону мужчины, а по левую женщины, одеты все в одежду первых веков христианства. Смотрю и недоумеваю: где же Господь Иисус Христос? Его изображения нет посреди стола, хотя Его присутствие ощутительно и благодать Его ясно освещает всех присутствующих на Вечери. Всматриваюсь еще и вижу, что у правой стороны стола стоит диакон, а на левой диаконисса, и оба читают Евангелие. Увидавши это, я со слезами припала к столу и воскликнула: Господи! вот когда я уразумела Тайну Вечери: все святые приобщаются слову Божию, все духовно воспринимают его и им преобразуются.

69.

24 октября 1879 года

Сегодня в обедню я вспомнила вас. Вы всегда, а как-то недавно особенно сильно высказываете то, что нуждаетесь в милости Божией. Но вы выражаетесь неточно и неполно. Мы не только нуждаемся в милости Божией, прощающей грехи наши, носящей немощи наши, терпящей беззакония наши, но мы нуждаемся еще и щедрот Божиих, которые очищают нас от беззаконий наших, просвещают разум наш к познанию воли Его, укрепляют дух наш к стремлению Богоугодному, направляют волю нашу к творению заповедей Его. Когда душа познает, насколько она нуждается в щедротах Божиих, и увидит, насколько Его щедроты благодворят нам и во внешней и во внутренней жизни нашей, тогда только душа способна молиться Ему с сокрушенным и благодарным сердцем, и тогда только молитва будет живым словом души. Святой пророк Давид был введен в познание Господа Милостивого и Щедрого, и потому его молитва была полна благодарения, славословия и сокрушения. Только познание греховности своей приводит к исканию милости Божией, только познание бессилия, беспомощности, полной немощи своей приводит к познанию Господа Прещедрого. Прошу вас молиться обо мне, много нуждающейся в ходатайстве другой души пред Господом Милостивым и Щедрым, но и Правосудным.

Привыкши вникать в смысл всякого дела и слова, я часто останавливалась в недоумении перед обрядом и обычаем просить у всех прощения накануне поста. Мы просим прощения в этот день не только у тех, с кем не встречались на деле и не могли быть виноватыми пред ними, но даже и у тех, кого иногда совсем не знали, не видали никогда. Зачем этот обычай — у всех просить прощения, — точно он не имеет смысла и как будто этою безразличностью затмевается настоящий, существенный смысл этого постановления? Так я думала и смущалась духом и не умела делать поклона с душевным сознанием и скорбела об этом. И только теперь мне открылось, и душа моя осознала точный смысл этого постановления.

Лично мы не делали ничего обидного, и нет нашей вины пред всеми, но если б даже мы могли с Давидом сказать: «Тебе Единому согреших» ([Пс. 50:6](#)), то и тогда наш грех становится грехом пред всеми, и мы делаемся виноватыми не только перед ближними, но и перед всеми людьми. Если наша душа, при содействии благодати Божией, усвоит какую добродетель, то она становится достоянием всех. Милостивый всех милует, смиренный всех прощает, кроткий всех терпит, опытный в борьбе со своими страстями помогает другим, и так далее. Эти добродетели становятся достоянием всего мира. О них говорят, передают друг другу в назидание, о них слышат дальние, они становятся для них примером подражания, укреплением и поддержкою. Точно так же и грехи наши. Сделанные в сокровенности сердца, не только словом, но хоть мысленно, они оскверняют сердце, расслабляют его, делают порочным, слабым, недейтельным, слепым и глухим. Греховность наша отзывается и на других, на всем мире. Мы не даем нашим ближним того, чего они вправе требовать или ожидать от нас. Ни любви, все носящей, все терпящей, всем жертвующей, ни силы опытного слова, ни примера терпения и благой деятельности, — ничего мы не даем им. И смотрят они на нас тоже с нелюбовью, и идет о нас общий говор, все расслабляющий, всех растлевающий. Вот и виноваты мы пред всеми, вот и нужно просить у всех прощения, вот и новая причина смириться глубоко, глубоко в своем сердце.

70.

13 апреля 1880 года

Христос Воскресе! Сегодня день Лазарева воскресения, — и этот день самый приличный для такого приветствия. Это событие, усвоенное душою, то есть когда сама душа о Христе воскреснет, тогда она может с сознанием приобщиться дарам Воскресения Христа. Нам, сидящим во тьме и сени смертной, прилично только радоваться и благодарить Бога, что дал нашему естеству эту способность, этот великий дар воскресения о Христе, радоваться и благодарить за то, что есть и были избранные души, воскрешенные Им от смерти к жизни, а о себе смиренномудрствовать.

71.

23 февраля 1881 года

...Леонида уже дней 10 как дома... Я тоже рада ее возвращению, но за это время уже привыкла без ее общества, и мое уединение было мне иногда приятно... Я рада посту и его тишине, хотя спрашиваю себя: «Что дает мне эта тишина?» Правда, что она дает покой телу, что для моего больного тела очень дорого. Но покой души не всегда находишь при внешней тишине и покое. Напротив, часто, если не всегда, в этом покое внешнем в душе возрастает буря страстей. И если при рассеянности нужно воздержание, то во время уединения еще нужнее терпение. Терпение — это тоже живая сила души при духовном разуме, познающем изменения вещей и всего земного, при вере сердца, при смирении духа. Терпение дает душе постоянство, оно переходит в мужество и тогда становится не пассивным чувством, а деятельным. Да укрепит вас Господь в терпении, столько нужном во время поста!

72.

1 июля 1881 года

Благодарю вас за поздравление меня с днем рождения. Вот по милости Божией прожито уже 48 лет. Вижу, что силы уменьшаются и даже способности умалются. Весна, в которой сеется все доброе, давно прошла; прошло и лето, в которое зреет плод; теперь проходит и осень, во время которой собирается плод. И что же? Если и есть малый плод, посаженный и воспитанный покойной матушкой, ее трудами и молитвами, то и этот малый плод я ленюсь собрать. Придет зима, и душа моя будет умирать с голоду. Я это увидела на днях. Нет у меня подвига нисколько, а без него нельзя жить. Нужно понудить себя и к молитве, и ко всему доброму. Я это так сильно почувствовала, что стряхнула несколько свою леность и немного понудила себя к молитве. И так было хорошо! Но потом опять леность и нерадение. Так нужен мне душевный подвиг, так необходим! Помолитесь обо мне, чтоб Господь послал мне силу понудить себя к подвигу.

73.

14 декабря 1881 года

Не только для постоянного пребывания в молитве, но даже и для исполнения молитвенного правила необходим мир душевный. Если мир душевный чем-нибудь нарушен, то молитва становится или только устною, или с большим подвигом совершается умом; сердечною же она никогда не может быть. Мир душевный, как достояние «чистых сердцем», приобретается, или правильнее сказать, ниспосылается Господом по многим трудам и подвигам над душевными страстями и после многих отречений. Но мы, грешные, питающиеся крупцами со стола богатых, стремимся приобрести мир хотя во время молитвы. Для этого тоже потребен подвиг тяжелый и продолжительный. Полное отсечение помыслов во время молитвы, отречение от чувств и от всего окружающего мира, предание всего на волю Божию, непоколебимое утверждение сердца в вере, несомненное упование на силу Божию. При таком утверждении сердца молитва совершается в мире. Но если это состояние достигается нашими трудами, а не есть дар благодати Божией, то иногда наш внутренний мир подавляется и омрачается двумя противоположными состояниями: или хладом сердечным, или радостью чувственной,

заменяющими и занимающими место смятение помыслов и волнение чувств. Хлад сердечный — это такой исполин, которого победить не достанет человеческих сил. Много надо подвига любви к ближнему, много милосердия к недостаткам ближних и прощения их, чтоб смягчилось сердце. А во время молитвы, упования на силу Божию, нужна молитва за ближних, за весь мир, за «вся человеки» ([1Тим. 2:1](#)), молитва о прощении грехов всех грешников, из них же первый есмь аз. Пройдет хлад и наступает безумная радость, которая волнует внутренние чувства и нарушает мир. Тогда-то потребно глубокое смирение, временное даже оставление молитвы по недостойнству, служение самоотверженное ближним делом или словом. И только в глубине смирения и самоуничиженного чувства кроется мир внутренний, при котором совершается молитва.

74.

22 декабря 1881 года

...Блаженный Иероним сам о себе свидетельствовал, что «мое тело прежде общего разрушения человеческого состава было уже мертво; а мои страсти все еще кипели». Он описывает свой подвиг деннонощный, свое крушение, а мятежная плоть продолжала брать перевес над силой, и душа повергается в уныние. Это постоянное пребывание в подвиге, неуклонное стояние в нем — вот черты, запечатленные в его изображении на образе. Даруй нам, Господи, всегда пребывать в подвиге, а что выше этого состояния, то не от нас.

75.

21 марта 1882 года

Жизнеописание Владыки нашего я получила и читала. Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого Владыки, его собственное свидетельство о себе. Сказать о нем слово может только тот, кто возвысился до понимания всех его деяний. Чем меньше о нем сказано, тем лучше. Об Лествичнике так мало нам передал его жизнеописатель, а между тем для всего монашества — и древнего, и нового, и будущего — он будет руководителем, и его образ такой ясный и живой для всякой души, руководимой им. Помоему, очень довольно сказанного и для настоящих и для будущих почитателей и учеников Владыки. Пусть бы еще и еще печаталось это издание. Но скажу к этому, вам необходимо собрать все материалы, все мелкие и подробные сказания, которые вписать чисто в одну тетрадь и скрепить своею подписью. Пусть это будет памятником для ближайших последователей Владыки, а, может быть, в будущем они будут иметь более обширное применение.

Брат Василий М-ч пишет, что они читали жизнеописание Владыки и что его поразило сходство с одной знакомой ему душой, в особенности в призвании на путь духовной жизни.

76.

3 января 1883 года

Кончина моего батюшки Михаила Васильевича последовала 20 декабря. Хотя кончина его была самая мирная, но для меня она была так тяжела, что я сама умирала. За пять дней до кончины его я приехала к нему, нашла его очень ослабевшим и неподвижно лежащим в постели. Он не чувствовал никакого страдания, но все слабел постепенно. Я не оставляла его ни днем, ни ночью. Много беседовал он со мною. Последнюю ночь просил читать молитву: Богородице Дево, радуйся... Вспоминал творения Владыки и при этом сказал, что лучшее его сочинение — это «О Иисусовой молитве». Просыпаясь, он все время читал Иисусову молитву. Последние месяцы он приобщался Святых Таин каждые две недели, а при последних днях 15-го и 20 числа — в 6 часов утра. В 4 часа пополудни он мирно скончался, точно уснул. Погребение его совершилось 23 декабря в 2 часа... Его постническое тело не спешило разлагаться... Народу на выносе было очень много, и ни у кого не погасла ни одна свечка. Все провожали его со слезами, называли благодетелем, милостивым отцом и кормителем, праведником...

77.

30 марта 1883 года

...Вы отчасти знаете, как сильно я была привязана к моему родному батюшке. Если я в жизни кого почитала полным чувством, кого благоговейно любила, кого безмерно обожала в молодости, то это его, моего дорогого отца, моего воспитателя, моего друга, духовного руководителя. Когда я сидела около него последние дни и ночи, то сердце мое было переполнено горечью, и я желала, готова была вместо него вкусить горькую чашу смерти. Господь даровал ему мирную кончину. Но все же кончина его для меня была тяжела. В молитве о нем я находила утешение, облегчение скорби. В келлье мы все, келейные мои и я, читали до 40 дней неугасимый псалтирь по нем. Ночью под 40-й день я читала в своей комнате; когда начала читать 17-ю кафизму, то почувствовала в душе своей изменение. Слова псалмов читались глазами, языком, а смысл их передавался душе моей душою батюшкиною. И эта душа, ходившая на земле путем заповедей Господних, утвержденная в законе Его, отдавшая себя слову Его, отвергшая все и себя самого для последования слову Уст Его, эта душа, отшедшая от земной жизни с твердым упованием и верою, сообщала свет душе моей, радость сердцу моему. В ту ночь я уже не могла уснуть от полноты духовной радости, и 40-й день был для меня днем радости... В Себрове на этот день многие видели его во сне светлого, радостного, окруженного светом и убеждающего не скорбеть о нем, что ему так хорошо, как лучше нельзя.

78.

21 марта 1884 года

...Не воображение должно руководить духом молитвы, а то, что составляет корень нашей жизни, наших ощущений, наших всех помыслов, нашего духа, то, во-первых, что живет в нас, и, во-вторых, то, чем бы мы должны жить. Первое — сознание своей греховности, ощущение ее в себе в духе покаяния и сокрушении; и второе — заповеди Божии, написанные в нашем сердце при создании нашем, данные нам Евангелием, явленные во Христе. Эта постоянная работа над своим сердцем в борьбе с грехом приводит к сознанию своей полной греховности; это стремление души к заповедям Христовым приводит ее к сознанию своей полной немощи и бессилия. Молитва Иисуса при таком делании становится деланием сердца, дыханием души, духом жизни. Она естественна при таком делании, для нее не нужно ни особенного уединения, ни времени свободного; она обретается душою при самом развлеченном даже ее состоянии, она действует в сердце и тогда, когда оно, укрепленное благодатью Божиею, служит ближнему словом или делом самоотверженной любви.

В этом делании бывают отклонения только тогда, когда сердце отдается и живет страстями, или потеряет веру. В первом случае оно скоро возвращается на путь покаянием и отсечением страстей, а во втором особенная благодать Божия утверждает в нем потерянную веру. Не знаю, сумела ли я вам высказать ясно свои понятия духовного делания, но другого пути я не знаю. И оставаясь в уединении, и отделяя свободное время для молитвы, и отражая помыслы, не нужно убегать от себя, вне своего сердца искать пути ко Господу, искать умиления и сокрушения духа. В нем, в нашем сердце, в его ощущениях причина наших грехов, в нем же и причина сокрушения. Это делание приводит к глубокому смирению, к сокрушению духа, к ощущению теплоты душевной и умиления. При таком делании ничто не мешает и не рассеивает, и, как выражаются отцы, самый ад бессилен поколебать душу верующую и смиренную. Но при делании молитвы, руководимой воображением, все может помешать, даже ветер, говор голосов и тому подобное, не говоря уже о собственной немощи, которая собьет с пути и вернуться на него вновь не сумеешь. Неполезно искать того, что вне нас. Если Господь сказал, что Царствие Небесное внутри нас, то там же и путь в него.

79.

7 апреля 1884 года

Покаяние, также как и молитва, не должно быть мечтательно. Истинное покаяние — дар Божий, оно полно сокрушения. А наше покаяние должно быть только сознание, уверенность в нашей греховности, безнадежность на себя. Она-то и приводит к вере. У святого Тихона это изложено хорошо. Надо прочесть вместе.

80.

Киев, 6 августа 1884 года

...Слушая пение в Великой Лаврской церкви, небеси подобной, вспоминаю вас, как вы называли его «духом бурным». Это пение, ни с чем несравнимое, так меня утешает, наполняет душу неземным чувством. Вы знаете по себе, как оно говорит душе. Познакомилась с наместником (архимандрит Ювеналий (Половцев), из Оптиной пустыни). Мне он очень нравится, но по духу, я думаю, мы не можем сойтись: первая наша беседа была спор. Я люблю поспорить, когда дело идет о различии мнений, но при различии духа спор невозможен и лучше молчать.

81.

Усть-Медвед., 24 августа 1884 года

...В этот проезд особенно усердно я посещала Великую Лаврскую церковь. Это пение лаврское, полное покаянного сокрушения и твердой, непоколебимой, дерзновенной веры, пробуждало мою ленивую душу, сокрушало ее. Как мне было грустно слышать, что те, которые стоят во главе, не понимают это пение, даже укоряют его. Наместник несколько раз приглашал меня к себе, и по несколько часов мы проводили в духовной беседе. Из них — результат. Я поняла, что он человек духовный, но насколько он не единомыслен нам, я сужу из того, что чем дальше шла наша беседа, тем моя душа все глубже уходила сама в себя и закрывалась. Но он хороший монах и, кажется, на своем месте. При прощании наместник сказал мне: «Мудреный вы человек». Он не хочет признать, что стремление у нас к одной цели, что есть оно — это стремление.

82.

12 ноября 1884 года

За эти дни много было мне хлопот. Кроме суеты, сопряженной с празднеством и посетителями, хотелось еще готовившихся к постригу сестер всех вместе и каждую отдельно подкрепить и направить соответствующим словом. Одним советовала отречение от своей воли и своего разума, возможного только при отречении от своих хотений. Другим — внимание к помыслам, при непрестанной молитве Иисусовой; третьим — подвиг внешний, способствующий к усмирению плоти; другим — последование неуклонное заповедям Христовым, приводящее к познанию своей немощи. Вам же, родной о Христе брат, желаю всего вполне, всего того, что пожелала сестрам каждой порознь. Господь Своею благодатию да возрастит все благое в душах, верно к Нему приходящих, и их благое начинание да совершит, молитвами Пречистой Богородицы и святых отцов и матерей наших.

83.

20 ноября 1884 года

Спасайтесь о Господе и нас поминайте в своих святых молитвах. Я и мои близкие сестры от всего сердца порадовались известию о вашем пострижении в рясофор. Точно теперь вы еще ближе к нам стали, роднее. Хотя родство духовное всегда было так полно, что к нему прибавить и увеличить его трудно, но во всем есть мера, и эта мера исполнилась, или готова исполниться. Вы все пишите о нечувствии и сонливости. Я думаю, что вы мало даете себе покоя. Когда вы утомлены, вам не следует себя нудить; не понуждать себя что-нибудь чувствовать. Если не будете давать телу своему покоя, и во время утомления будете понуждать себя к молитве или

собирать помыслы, или искать в сердце покаянного чувства, то вы никогда не будете иметь мира душевного, напротив, всегда будете в смущении помыслов и в отягощении духа. [Василий Великий](#) говорит: «Если покой вредит молодому и здоровому телу, то несравненно больше вреда приносит чрезмерный труд больному и слабому телу». Без смущения давайте себе побольше покоя, чтобы иметь часы или хоть минуты бодрого духа, свежего чувства и ясной мысли. Иначе можно дойти до омрачения. Господу так мало нужно от нас, только смиренного духа, а нам Он все дает Своею благодатию.

84.

8 декабря 1884 года

Грязь, дождь, Дон еще не замерзал, а переправа уже не существует. Поэтому к нам никто не ездит, а погода меня держит в четырех стенах. Я очень довольна своим уединением, хотя не всегда употребляю его с пользою. Большие зимние вечера я очень люблю. Иногда собираю близких сестер на чтение, — я объясняю прочитанное. Это не такое чтение, какое было когда-то при вас. Теперь собираются только свои, близкие — больше свободы в беседах. После одного чтения Вероника говорит мне: «Я только одно слово взяла из всего сказанного вами; и этого одного слова для меня довольно. Вы сказали, что когда чем-нибудь увлечешься, то надо вспомнить смертный час, и что тогда ничего не нужно, все на земле останется, и пойдет одна душа со своими делами; эта память приводит меня к молитве и дает свободу духу». Уча сестер, от них я учусь сама. Читаем мы больше из [Добротолюбия](#). Я давно не читала эту книгу, многое в ней открывается моему понятию, что прежде было закрыто, а многое закрыто и теперь.

85.

7 февраля 1885 года

Благодарю вас за известие о кресте. Мои все рады до бесконечности. Рада и я. Честь — лучше бесчестия, и еще далека душа от того, чтоб одинаково смотреть и принять то и другое. Но скажу откровенно: честолюбие не главная моя страсть, есть другие, более сильные. Я замечаю, что у меня гордость сильнее честолюбия. И как эти противоположные страсти уживаются вместе, в одном сердце? — об этом ведает тот, кто их незаконно сеет, и тот, кто чрезестественно их в себе питает. Жизнеописание матушки-схимницы (Ардалионы) у меня окончено. Я писала без всякого правила и законов писания. Раз решивши, что оно не будет печататься, по крайней мере, в таком виде, как я его пишу, я уже не стеснялась ничем. Много там я говорила лично о себе, много изложила бесед матушкиных со мною. Написала и о схимонахине Пафнутии, где тоже пришлось сказать о матушке Ардалионе и о себе. Мы все остались очень довольны этими записками. Так они воскресили пред нами время, прожитое с матушкой, и все ее слова, и все ее действия по отношению нас, как руководимых ею.

86.

5 марта 1885 года

Вы пишете, чтоб я прислала прочитать свои записки о матушке-схимнице Ардалионе. Я очень желаю и сама, чтоб вы их прочли, но мне хочется их сначала переписать, а то они очень дурно написаны и с такими перемарками и выносками, что в них трудно разобраться. Только вчера я их выручила от Правдина, и когда они будут переписаны, то я их пришлю к вам.

87.

1 декабря 1885 года

...Что вам сказать о себе? Хочется молчать. Начинаю понимать, что молчание плодovitее всякого слова. Молчать словом, помыслом, чувством — вот какое молчание вожделенно, потому что и говоришь, и думаешь, и чувствуешь — все страстно-греховно. «Да молчит всякая плоть человека». Далеко от этого молчания моя грешная душа, но иногда приходит желание молчания, точно отяготится душа суетностию, точно она потеряет вкус ко всему земному, преходящему,

точно она увидит несостоятельность брения. Вот и пожелает замолчать.

88.

23 января 1886 года

...Нам и всем нужно иметь смерть перед глазами, она и есть постоянно с нами, так как день прошедший, час, минута пережитые уже умерли навсегда для нас — мы живем в смерти, ежеминутно умираем, и дела наши греховные умерщвляют нас вечною смертию. Но этот путь в юдоли плача и смерти еще надо проходить с верою, пока Господь Сам найдет, что плод созрел и время его собрать.

89.

26 ноября 1886 года

О себе скажу вам: я здорова, хожу ежедневно в церковь, дома занимаюсь делами по послушанию, читаю, пишу. Но этого мало вам. Вам хочется знать, как живет моя душа? Живет в грехах и, главное, в нечувствии своей греховности. Иногда откроются очи душевные, и увидит она свою слепоту и свою греховность, и страшно станет. Но что же она делает, чтоб прозреть, чтоб сохранить в сердце страх, чтоб познание своей греховности приводило ее к отречению от своей грехолюбивой воли, от своего лжеименного разума? Вот в этом-то вся и беда души, что работа над своим внутренним человеком отягощает ее, и ищет она покоя в разъяснении помыслов, в смятении чувств. Помолитесь, чтобы Господь воззвал душу мою на покаяние.

90.

20 февраля 1890 года

Мне все думается, что болезнь ваша не к смерти... Я надеюсь, что вы поправитесь. Мне очень тяжело думать, что вы отойдете в будущую жизнь, и я вас больше не увижу. Никогда я ни о чем не прошу Господа, всегда все предаю Его воле, прошу, чтоб во всем исполнялась Его воля благая и спасительная, а теперь горячо молюсь Царице Небесной, чтоб поддержала вас, чтоб мне еще на земле видеть вас. Если Господь благословит нас дожидаться весны... ждите меня; укрепляйтесь силами, выздоравливайте. Укрепляйтесь телом и душою. Укрепите дух ваш верою. Не пугайте себя представлением близкой смерти и ответом за гробом. Не носите в душе страха смерти. Этот страх спасителен, когда мы живем земною жизнью, живем в страстях, в похотях плоти. Когда же жизнь наша кончается, когда мы смотрим за ее предел, то страх этот может быть для души великим искушением. Таким и сочтите его. Смотрите на предстоящий переход с верою и упованием, укрепляйте дух свой упованием на обетование Господа. Положите все свое чаяние, всю надежду на Его заслуги, на Его милосердие, на Его любовь к человеку, хотя грешному, но Ему Единому преданному. Нет у вас ничего. Мертва душа, нет памяти Божией. Но пусть будет уверенность в Его спасение. Отгоните страх и безнадежие. Не погибнет душа верующая, душа, преданная Его воле. Напомню вам. В первый раз, когда я видела вас, вы сказали мне, что ничего не имея чем могли бы спастись, желаете только одного, чтоб в обители Владыки быть подобно маленькой собачке. Это слово живо напомнилось мне. Да, это и будет. В небесной обители святого Владыки Игнатия уготовано и вам светлое место. Веруйте и радуйтесь. Если придет уныние или страх, отгоните его, с надеждою и радостью думайте о переходе в загробную жизнь, и тем, кто стережет во вратах душу, чтоб восхитить ее, скажите с дерзновением: не имеете вы части во мне, я послушник моих отцев, которые отвечают за меня пред Господом Богом моим. Аминь.

91.

1 марта 1890 года

Боюсь, что вы обременяете себя тяжелой постной пищей, и прошу вас забыть, что теперь пост, а кушать скоромную пищу, питательную и легкую. Забыть о разности дней можно, когда верить тому, что эта разность дана нам Церквию как узда здоровой плоти, а вам дана болезнь и

немошь старости... Главное, молю вас, не отягощайте своего духа. Да будет он мирен во всем, как дитя, преданное в руках Господа Спасяющего, укрепленное, как муж этою верою опоясан силою упования на милосердие нашего Искупителя. «Что суть грехи наши против милосердия Божия? — говорит Святитель [Димитрий Ростовский](#)? — Яко паутина противу ветра великаго». Возрадуемся о Господе нашем Спасителе. И будем мирны и радостны... Неизреченны пути Божии, спасающие нас.

92.

8 марта 1890 года

Сегодня 40-й день нашему дорогому другу архимандриту Иустину. Даруй ему, Господи, вечное упокоение со святыми, молитвами Владыки Игнатия! Мы молились за упокой его души и поминали его хлебом-солью. Я всю панихиду проплакала. Вспомнился он мне как живой, и вся его жизнь с 9-ти лет в стенах монастыря, как в пещи Вавилонской, с молодых лет в должности настоятельской, как мученик и исповедник. Еще скажу вам одному: путь духовной жизни, основанный на отвержении самости, всегда бесчестен; не дает ему Господь славы на земле и даже кончиной не удостоверяет в его праведности. Пусть Он Один будет нашей правдой и оправданием, нашею святынею и освящением. Будьте мирны в этой вере и уповании.

93.

2 августа 1890 года

Слава Богу за все! Для вас теперь по состоянию здоровья вашего, по немощи старческих сил, самое главное быть в мире со всеми окружающими и чувствовать мир в душе. Меня очень успокоило, что с отцом Илией вы сошлись... Надеюсь, что он вас будет покоить. Меня трогает и умиляет та любовь, с какою вы относитесь к отцу П., и та жалость, которою вы покрываете отца М. Не думайте, что я их осуждаю, а тем менее сужу. Я не могу произнести своего суда ни над кем; все в руках Божиих и эти всемогущие и благодетельные руки всем хотят даровать спасение, и туне всем даруют его. Я говорю только, что путь наш — путь грешников, какие мы есть и есмы на самом деле. Смиряться надо и не сходить с этого пути покаяния, не брать личины праведника, когда мы грешники, и не искать себе оправдания, а чаять и веровать, что наше оправдание — Христос. Не стыдиться своих братьев и отцев, если жизнь их и кажется позорна, а кончина бесчестна. Лучше будем подражать их вере и смирению и предадим себя спасающему нас Господу.

Письмо к схимонахине Пафнутии

Феодосия, 5 августа 1873 года

Вчера мы были у обедни, и я очень утешилась словом Божиим. Оно всегда и везде родное мне и сильное, и питает душу и освещает ее. Пели на Причастном: «Воскрес из гроба и узы растерзал еси ада, разрушил еси осуждение смерти, Господи, вся от сетей врага избавивый явивый же Себе апостолом Твоим, послал еси я на [проповедь](#), и теми мир Твой подал еси вселенней, Едине Многомилостиве». Эти слова показались мне живыми, и увидала я силу их в жизни человеческой и в жизни духовной. Человек живет земною жизнью: все в ней смертное, все преходящее. Обстоятельства переменяются, чувства человеческие изменяются, переходят. Если кто живет только в обстоятельствах и чувствах, то он постоянно вкушает смерть, все умирает в его жизни, и он сам находится под осуждением этой смерти. Когда же человек в этой преходящей, переменчивой жизни ищет Господа, когда каждое обстоятельство жизни поучает его познавать Господа, каждое чувство, направленное по заповеди Божией, приближает человека к созерцанию Господа, возобразившегося в чистом сердце, когда воскресает Господь в душе человеческой, тогда осуждение смерти разрушается, потому что смертные обстоятельства, смертные чувства привели человека к бессмертному состоянию и вкушение их не принесло смерть, но — жизнь. Когда же человек живет одним смертным, то враг из всех земных обстоятельств и чувств устраивает человеку свои сети. Если же это смертное обратилось для человека в бессмертие, если оно привело человека к познанию Господа в обстоятельствах, к соединению с Ним в духе через чувства земные, то сети врага сокрушены, и Господь, приобретенный чрез смертную жизнь, сделался избавлением от гибели, которую готовил враг чрез свои сети, заключив в них яд смертный. Все это в духе, все это переживает душа, и в себе, в своей жизни видит объяснение слова Божия. Да дарует нам Господь не только языком читать и прославлять Слово Его Святое, но и последовать Ему жизнию!

15 ноября 1870 года

...Я всегда рада слышать, если в ком-нибудь открывается желание к монашеской жизни; если же кто из образованных и умных людей посвящает себя этой жизни, то меня это радует еще более. Но при этом нужно знать, какая причина заставляет избрать эту жизнь и какую цель имеет человек в этом избрании? Цель дает направление и характер всей будущей жизни и деятельности человека, и потому она очень важна. Вы пишете, что решаетесь на поступление в монастырь, видя окружающие вас скорби. Я этого не понимаю. Если вы смотрите только на внешнюю сторону жизни и от скорбной жизни желаете найти покой в тишине монастырской жизни, то вы ошибаетесь. В монастыре свои скорби и даже, может быть, более тяжелые, чем в мире. Если же вы духом постигли суету жизни земной, если в ней вы не находите удовлетворения своей душе и желаете найти эту полноту в жизни духовной, жить для вечности, для Бога, то это стремление ваше правильное. Но при этом решении нужно приготовиться на все скорби, душевные и телесные. От человека, желающего спасения, многого требуется. Стены монастыря, черная ряса, даже все внешние подвиги жизни монастырской ничего не значат без внутреннего подвига, который составляет цель жизни монашеской. Состоит же он в совершенном перерождении всего человека, в совлечении всего земного, в умерщвлении всего своего — человеческого разума, всякого чувства человеческого — для того, чтоб ожить для Бога, и в Боге. Как далек человек от Бога, так велика и бездна, разлучающая его с Богом, так велик и труд воссоединения. Мало того, что путь этот тяжок, но даже не для всех доступен, не всем открывается, не всякий находит его, не всякий ищет, даже не всякий возделевает его. Его возделевает, ищет и находит только тот, кто призван на этот путь Самим Господом. Призвание же Божие чувствует душа, когда она в земной жизни ничем не удовлетворяется, когда она постоянно чувствует какую-то неполноту и когда она ищет, чтоб в ней самой открылось ощущение бессмертия, вводящее ее в жизнь вечную и приближающую к Господу Вечному. Такому призыванию Божию душа не может противиться, она делается послушной и не остановится в своем искании внутренней жизни, общения с Господом до тех пор, пока не найдет пути, приводящего к этой цели; и тогда не остановится, но все трудится на земле своего сердца, все идет дальше и дальше, несмотря на то, что путь делается все труднее и труднее, все более и более требует отречения от души, вверившейся ему; и в этом умерщвлении себя во внутренней смерти находится всю жизнь, до тех пор, пока угодно будет Богу призвать его к вечной жизни. Если не принять этого внутреннего подвига, не искать этого пути, то не нужно и поступать в монастырь. В него поступают для того, чтобы в этом училище духовной жизни образовать свой дух, чтоб в нем найти руководителей и все средства для прохождения этого духовного поприща. Подумайте об этом хорошенько и, по возможности, приготовьте себя и тогда только решайтесь. Ознакомьтесь, по возможности, с требованием внутренней жизни и прислушайтесь хорошенько к своему духу, способен ли он отдаться им и склоняется ли он к этому новому призыванию? Ознакомьтесь вы можете с ним, если добудете себе книги: Лестницу Иоанна Лествичника и еще четвертый том сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова).

Письмо к сестре матушки А. М. М.

17 декабря 1851 года

Благодарю тебя за письмо и за твою любовь ко мне, недостойной. Я радуюсь, что здоровье твое поправляется, дай Господи, чтобы ты была здорова, добрая моя сестра! Но и болезнь иногда бывает нам на пользу, милосердый Господь наказывает нас здесь временным страданием, чтоб избавить нас от вечной муки. Как утешительно думать, что мы на земле странники и отечество наше на небесах! И как вожделенно это отечество! «Господи, не лиши меня небесных Твоих благ! Избави мя вечных мук!» Но если душа совершенно исполнится Божественной любви, то ей не страшна геенна, она и там будет неразлучна со Сладчайшим Иисусом, и там будет любить Его. Господи, сподоби мя любить Тя такой же любовью, какой Ты возлюбил меня! Ты сшел на землю для меня, когда бы могла душа моя взойти на небо для Тебя!

Поздравляю тебя с праздником Рождества Христова и молю Родившегося Господа, да возродит Он в душе твоей все добродетели и приведет тебя в меру совершенства твоего.

Прошу твоих святых молитв и остаюсь от души любящая тебя твоя сестра, недостойная послушница, грешная Анна.

с апреля 1885-го по 1889 год

Не стремитесь так усиленно узнавать волю Божию в вашем деле, чтоб не принять за волю Божию горячность собственного сердца. Надо знать и глубоко познать, что сердце наше так испорчено, так помрачено грехом, жизнь наша так спутана нашими пороками, испорчена своевольными умышлениями нашего грехолюбивого сердца, что не только творить волю Божию или познать ее мы не можем, но даже действовать в нас и в нашей жизни мы не допускаем всесвяти воле Божией. Пророк говорит: «Святым, иже суть на земли его, удиви Господь вся хотения своя в них» ([Пс. 15:3](#)). Видите ли? что в святых душах и только в них Господь исполняет Свою волю — в них нет препятствий для совершения в них воли Божией. Грешник же, живущий в своих страстях, живет постоянно в противлении воле Божией. И хорошо, если он принимает то, что попускает ему выносить Господь, если он смиряется под это попущение Божие. Такое смиренное подклонение под попущение Божие есть признак грешника кающегося. Живя греховною жизнью, мы накопили много неправды около себя, запутали других своими грехами и их погубили.

Кающийся грешник видит, и видит то, что с прошедшим ему нелегко сделать счеты, что ему нужно искупить его трудом и подвигом великим. Не только себя, но и все, и всех окружающих его ему надо спасать и выводить на пути истины и добра. Этот подвиг трудный и многолетний, но он великий и истинный. А если он истинный, то он и возможен при помощи благодати Божией. Да, этот путь действительно есть единый-истинный. Нужно приносить плоды, достойные покаяния, нужно трудиться там, где грешил, вставать там, где падал, поправлять то, что сгубил, спасать то, что утратил собственным небрежением, собственными страстями. Спасение возможно на всяком месте и во всяком деле, его не нужно искать вне нас, все в своей душе можно найти — и рай, и ад. Если в ней мы находим ад, то в ней же, по благодати Божией, по труде над собою, мы можем найти рай. Есть одно условие, по которому позволительно бегство и решительная перемена жизни. Это условие то, когда немощь собственная дошла до крайних пределов. Когда не только подвизаться, но даже терпеть не имеет сил душа, когда и физическая немощь ей соответствует. Тогда не погрешим, если убежим от нестерпимого положения.

2

Вы решили все бросить и идти вслед Христа. Это хорошо. Но где его найти? Вы думали узнать этот путь в богословских науках в семинарии, но там его не укажут. Там учение богословское, объясняющее только букву закона, а не его дух. Вы желали священства, монашества. Это хорошо. Но я боюсь, что в первых шагах вы увидите, что только место и платье переменили, а жизнь внутри и даже совне осталась та же. Надо отречение от себя, последование слову Божию под руководством и направлением духовного человека. Вопрос, где его найти? Найти можно, если поискать. Я поэтому советовала вам не спешить решением, чтоб не сделать решительного шага и потом не раскаяться, когда душа ваша не удовлетворится тем положением, какое вы себе устроите. Я бы думала прежде вам взять отпуск и поехать посетить некоторые русские монастыри, где есть духовные старцы, с которыми вы могли бы побеседовать и получить от них направление своей жизни.

3

Как добродетели, так и пороки составляют из себя неразрывную цепь. Одна с другой тесно связаны, и где начало, где конец — трудно определить, даже невозможно. Если познание своей немощи и греховности есть начало веры, значит, и начало своего спасения; если без веры

невозможно творить волю Божию и исполнять Его заповеди, то и познать свою немощь не может душа, если не будет трудиться над исполнением святых Христовых заповедей. Только подклонив свою волю под волю Божию, принявши в свое сердце произволение идти путем заповедей Его, только при деятельности по этому направлению может познать душа свою немощь, свои страсти и всю глубину своей греховности.

Вместо заповеданной нам любви к ближнему, она найдет в своем сердце только любовь к себе. Вместо познания воли Божией, она найдет в своем уме только самомнение, или неразумие. И при этом столько душевной немощи, полное бессилие воли. Тогда только душа поищет помощи свыше, познает на деле, что без помощи Божией она вполне бессильна, тогда она живою верою поищет Живого и Действующего в мире. А при содействии благодати Божией она уже в состоянии будет исполнять Его Животворные заповеди, а от них получать просвещение и освящение души. Вот круг, вот венец, которого достигали святые. Но это дело всей земной жизни. Скоро ничего взять нельзя, да и никогда нельзя взять без помощи благодати Божией того, что выше сил человеческих. Наше дело только трудиться со смирением и верою. Иногда при своем труде душа будет увлекаться разными чувствами, приятными или неприятными, будет огорчаться или радоваться, будет рассеиваться умом, но все это не должно смущать нашего духа. Только неуклонно должна она хранить произволение, чтоб волю свою подклонить под волю Божию и разум свой отдать вере. Поэтому я и сказала вам, что нужно больше обращать внимание на действие воли, чем на чувства сердца; больше на уклонение разума, чем на помыслы.

4

Первый том епископа Игнатия может оставаться у вас, а потом я могу дать вам и другой. Мне хотелось сделать вам одно замечание об этом чтении. Книга, которую вы читаете, называется «Аскетические опыты», ее написал монах-аскет, в ней, да и вообще во всех сочинениях епископа Игнатия, советы даются аскетам, людям, отрешившимся от мира. Хотя и все христиане должны идти путем Христовых заповедей, путем отречения от своих греховных страстей, но есть различие в духовных подвигах, в приемах жизненных, если можно так выразиться. Достигать отречения своей воли может затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во свете слова Божия; второй — в воли своего духовного руководителя; а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трех доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй — трудом послушания и исповедания помыслов, третий — честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга. Все достигают одной цели, но разными путями. Так и во всех вопросах жизни. Я указала главные черты, указала слегка, но я хочу сказать вам только одно, что я боюсь, чтоб вы не уклонились слишком в аскетизм. Монашество не больше, как форма внешней жизни и, как оно ни хорошо, все же оно не должно быть крайней целию искания. «Ревнуйте... дарований больших», — говорит Апостол ([1Кор. 12:31](#)). В заповедях Христовых сокрыто все духовное сокровище. Любить Бога больше всего, и ближнего — как себя. Сколько нужно отречения от своих страстей, чтобы полюбить Бога выше и больше всего земного, больше себя! Сколько нужно борьбы над собой, чтобы полюбить ближнего, как себя! И вот в этих двух заповедях вся чистота, вся святость души.

Вспомните слова матушки-схимницы Ардалионы. Она говорила, что нужно поучиться еще, как себя любить. Да, и очень надо над этим потрудиться. Например, человек несправедлив бывает к себе и требует иногда от себя того, чего дать не может. Требуется от себя победы над своими страстями и скорбит, волнуется, негодует на себя, когда видит, что его берут во власть те самые страсти, от которых он решил отстать. Но справедливо ли такое негодование на себя?

Нет. Человек своею силой никогда не может победить в себе страсти: их побеждает в нас сила Божия. Эта сила присуща Его заповедям. Когда с помощью Божиею человек усвоит их, когда они будут жить в его сердце, тогда грех и страсти ослабевают и совсем прекращают свое действие в сердце. Нужно постоянно оживлять в своем сердце намерение жить по заповедям Христовым, нужно просить в молитве Его помощи, нужно смиряться в своих уклонениях, нужно подклоняться под свою немощь и не негодовать на себя за нее. Ведь не силен ее победить в себе, зачем же требовать от себя того, что может дать Один Господь, зачем же скорбеть на себя, что не стал выше себя. В таком требовании от себя духовного преуспевания сказывается наша гордость. Будем всего ожидать от Единого Господа и глубоко смиряться в своих немощах и греховности.

Страсти иногда упорно держатся в нашем сердце и действуют в нем властительно, помимо нашей воли, даже как будто против нашей воли. Господь попускает им так мучить нас, чтоб мы вполне узнали наше бессилие, чтоб мы смирились духом, чтоб мы поискали силы в Едином Сильном и Едином Святом Боге нашем. Эти слова я пишу в ответ на вашу жалобу, что вы иногда сердитесь. Не скорбите, но всякий раз смиритесь духом и полагайте намерение терпеть, и в терпении исполнять волю Божию и Его святыя заповеди. А познавая свою немощь, приходите к познанию и немощи ближнего.

Если вы не можете победить в себе свои страсти, когда по милости Божией и видите их, и желаете выйти из них, когда трудитесь над собою, то как требовать от ближнего что-нибудь сверх его меры. Познайте эту общую всем нам немощь и старайтесь простить ближнего, примириться с ним, понести его недостатки.

5

В письме своем от 19 мая вы высказали опасение, чтоб я не прекратила письменную беседу с вами. Нет, я не думаю прекращать, пока вы будете нуждаться моим словом, пока оно будет приносить вам пользу и утешение, и пока Господь потерпит моим грехам, будет давать мне понятия для уразумения Его святого слова. Но беседа духовная и руководство — две вещи разные. Я вообще уклоняюсь от руководства, кроме сестер мне вверенных. Руководит вами само слово Божие. Не достаточно ли будет, если я помогу вам иногда разъяснить слово Божие? Пусть до времени это дело остается в таком виде, в каком оно было до сих пор. Если вы найдете себе руководителя более сильного, то это будет хорошо, если нет, то будем помогать друг другу хотя ощупью искать путь Божий. Лишь бы не потерять усердия и желания стремиться к цели, трудиться для ее достижения, веровать, что Господь приведет к ней, и всего ожидать от Него Единого. Вы спросите, какая же цель и какой путь к ее достижению? Цель жизни человеческой — общение с Богом, в чем и состоит спасение наших душ, их вечное блаженство. Путь исполнения Его заповедей — подчинение Его воле, сказывающейся в обстоятельствах жизни. Труд — очищение сердца от страстей. Смирение — приводящее к вере, к принятию Его благодати, без которой ничто не может совершаться в нас благое и святое. Выше буквы закона способны стать высокие личности, и те не всегда находят нужным и полезным отступать от закона. Буква убила много хорошего, много святого в нас и нашем обществе христианском. Нужно стараться, чтобы буква ожила, чтобы она не убила нас, а, напротив, давала бы нам жизнь духа или хоть указывала бы путь к жизни.

6

Скажу несколько слов нужных о заповедях Евангельских. Сам Господь указал на две главные заповеди, в которых заключается все: любовь к Богу и любовь к ближнему. Но есть заповеди, указанные Им в Блаженствах, когда Он говорил: блаженни нищие духом, и прочее. В этих словах Христовых указаны те качества души и сердца, которые нужно приобрести, и тогда только исполнимы и те высшие заповеди, о которых сказано, что в них все заключается.

Начните с первой: нищета духа в том и состоит, чтобы уничтожить свою самость, чтобы увидеть все бессилие своей души, всю ее немощь, греховность. Если будет себя видеть, знать, чувствовать так душа, то она непременно придет к вере, к тому убеждению, что в Боге и в Нем Одним ее сила, ее очищение, ее спасение, а эта вера души есть уже дверь в Царство Небесное, не только в то Небесное Царство, которое будет в вечности наследием святых душ, но то царство, которое в нас. Эта нищета духа действительно блаженна, потому что душа, увидевшая свое бессилие, свою нечистоту и всю недостаточность ни к чему хорошему, теряет веру в себя, перестает надеяться на себя, а в этом и состоит начало веры и упования на Бога. Она находит Его там, где себя теряет. И трудно ей, горько остаться в этой нищете, в этом безнадее, и кажется ей, что она погибает, что нет ей спасения, нет помощи ниоткуда. Но это состояние безнадее необходимо нужно пройти, чтобы прийти к вере. Нужно не только умом познать, но всем своим существом почувствовать свою немощь, пожить в ней, тогда только приходит душа к живой вере в Бога. Она Его увидит во всем действующим, когда перестанет сама, своею самостью действовать во всем. Она Его увидит царствующим, когда перестанет полагаться во всем на свой разум. Вы спрашиваете, знали ли друг друга схимница Ардалиона и епископ Игнатий? Нет, не знали, и даже никогда не слышали о существовании друг друга. Я тоже не знала Владыку. И в мои руки попало его сочинение только в 1867 году. Оно было издано в 1865 году. А матушка скончалась в 1864 году. Когда я прочла первый том, то была поражена сходством нашего духовного пути. Тогда у меня уже сложились духовные понятия, и у меня уже были духовные ученицы. Они тоже, читая епископа Игнатия, удивлялись сходству наших понятий духовных. Это признали и ученики епископа Игнатия, когда я приехала к ним в 1867 году. У меня тогда был только первый том... Но я вам должна сказать, что от одного чтения нельзя усвоить духовных понятий, а нужно жить по слову. Мне хочется вам дать одно послушание. Чтобы вы выучили 24 молитвы наизусть [Иоанна Златоустого](#): «Господи, в покаянии приими мя», «Господи, не остави мене», и прочие. Это хорошо, что у вас есть страсти. Святые отцы говорят, что если бы не было страстей, не было бы и венцов побеждающим. А как хороши эти венцы! Но только не нужно действовать по страстям, не нужно их считать целью, к которой бы стремился, которой бы достигал.

7

Вы хотите все постигнуть умом и тогда уж работать правильно над своим сердцем. Это не может быть дано человеку. Увидеть правильно свое состояние он не может до очищения греховности. Самый ум наш помрачен. А вы начинайте познание греховности с этой самой минуты, когда вы видите, что не понимаете себя. Это грех затмил око душевное, в этой духовной слепоте познавайте свою греховность, немощь своего естества. Так и во всем. Сейчас приходите к покаянию, к познанию греховности, не ждите, чтобы она открылась вашему уму, а познавайте ее в недостаточности того самого ума, в бессилии воли, в изменчивости сердечных чувств.

8

Вы в нескольких письмах спрашиваете меня, какие заповеди Евангельские? Вопрос этот показывает, что вы решаетесь отдать себя под водительство этих заповедей, что вы решаетесь взять на подвиг исполнение их. Да поможет вам Господь! Но зачем вы меня об этом спрашиваете: раскройте Евангелие, читайте его, вникните в то, чему учил Господь Своих учеников, и вы узнаете, какие заповеди Он дал Своим последователям. Он учил их отречению от всего, от себя главным образом, даже от отвержения души своей. Это отречение необходимо нужно, потому что в душе нашей так много нечистоты, страстей, противных духу Христову, что без отречения от них невозможно общение со Христом. Это отречение от себя возможно только тогда, когда есть цель, для которой мы можем отречься от себя, отвергать свои страсти. Цель

эта — любовь к ближнему. Чтобы исполнить долг любви к ближнему, необходимо оставить себя, отречься от души своей. Любовь эту Господь указал и словом, и примером как проходить. Он учил прощать врагам, иметь милосердие к немощным, не осуждать грешных, жертвовать собою для пользы ближних. Эту заповедь о любви к ближним невозможно исполнить без отречения от пристрастий к земным благам. Можно отречься от себя, можно все уступить ближнему только тогда, когда будем искать вечной жизни, когда будем стремиться возлюбить Единое вечное, неизменное Благо, Единое полное совершенство — Бога. И вот главная и первая заповедь Христова: возлюбить Бога всем сердцем, всем помышлением и всею крепостию. В двух словах Господь указал на совершенство духовного пути, но всей жизни человеческой мало для того, чтобы усвоить, чтобы исполнить это слово Христово. Отречься от себя. Но что такое я? Себя познать, как следует, увидеть всю нечистоту своей души, всю ее страстность, всю немощь — вот в чем заключается задача всей жизни для тех, кто искал спасения. Спасения, — сказала я, — но отчего мы спасаемся? Мы спасаемся из той погибели, в какой находимся. Значит, узнать, какая погибель нас окружает — вот самый насущный вопрос. Эта погибель наша общая, погибель, устроенная нами самими из наших страстей и грехов, погибель, которую мы в себе не видим, даже не подозреваем. А между тем то, что живет в нас, то и мешает нам идти вслед за Христом, мешает, несмотря на нашу решимость, на наше желание. Вот и нужно, во-первых, очистить внутренние сткляницы, очистить тот сосуд, из которого, по словам Господа, исходят блуд, убийство, татьбы и всякие страсти и грехи. Вот поэтому-то, говоря с вами, я постоянно указываю на страсти душевные. Мне хочется, чтобы вы познали всю испорченность человеческого сердца, всю немощь свою, и этим бы пришли к вере. Так как без веры нельзя получить Божию благодать, а без благодати нет возможности исполнять волю Божию.

9

Вы писали о скорбях жизни, спрашивая, необходимы ли они для человека? Этот вопрос поставлен неправильно, хотя в нем жизненный смысл. Господь создал человека для блаженства, и был он действительно блажен, пока своим грехом не извратил в себе все то добро, которое Господь вложил в его душу. Сделавши из себя самого бога, к которому направил все цели жизни и все стремление, он все извратил в себе самом и во всем, что его окружает. Каждый человек для себя бог, и потому такая неурядица между людьми, такая вражда, такая ненависть друг к другу. Чтобы возродиться, чтобы прийти опять в свое естественное состояние, нужно отречься от себя, нужно отказаться от своего я, от самости, как говорила матушка-схимница Ардалиона, нужно стать на свое место, а свое место уступить Тому, Кому Единому подобает честь и поклонение. Но нелегко человеку отказаться от себя. Ему нужно умереть для страстей, а смерть всегда тяжела и горька. Тем более ему тяжела и горька, что окружающие его другие люди, все живут в том же состоянии падения, в котором находится и он. Они друг друга толкают в погибель, и тот, кто хочет выйти из погибели, чувствует на себе эти толчки прямо в лицо. Но если Господь поможет, и по отречении от страстей вместо гордости даст душе вкусить смирение, вместо себялюбия — любовь к ближнему, вместо жестокости — умиление, вместо злобы — кротость, вместо страха — веру, вместо отчаяния — надежду, вместо самолюбия во всех его видах — любовь к Богу, тогда для души составляют отраду жизни скорби; она выше их, она их не чувствует, а только сознает и видит и чувствует великую помощь Божию, укрепляющую дух в скорбях и искушениях жизни; великую премудрость Его путей, ведущую человека к свободе через скорби, и в самых скорбях очищающую его, выводящую из неправильного положения и ставящую всегда на правый путь. Тогда душа чувствует и силу и радость, и благодарит Бога за скорби, и кажутся они ей ничтожными в сравнении с теми благами, которые Он даровал ей через скорби.

В письме вашем есть выражение, в котором заключается вся суть письма: «Требования души и тела объясняются законом природы и совершаются по этим законам, без отношения к тому, греховны ли они или святы». Да, это так, и это показывает, что природа человеческая тленна. Наш дух связан с плотью так тесно, что составляет одно нераздельное существо. Если мы будем развивать в себе все животные силы, то мы будем скотоподобны. Животными силами я называю не только физические, но и все силы души, данные для земной жизни. Если же мы будем, при помощи Божией, стремиться развивать в себе силы бессмертного духа, то это будет непременно в ущерб сил животных, даже противоречить будет всем законам и требованиям животной природы нашей. Стать выше этой природы может только душа, укрепленная благодатию Божией. Вы справедливо сказали, что закон природы влечет нас к действиям, ему свойственным, не разбирая, святы они или греховны, даже не спрашивая нашего согласия. Это влечение закона животной природы называется естественным в падшем естестве человеческом. Он для духа нашего противоестествен, потому что он его угнетает, подавляет, убивает. Живя по законам нашего падшего естества, мы все же иногда чувствуем безотчетную тоску, неудовлетворение, стремление к чему-то высшему, к свободе из всего, что составляет нашу земную жизнь. В этой тоске, в этом стремлении сказывается потребность нашего духа. Если мы будем заглушать в себе этот голос, то совсем он замолкнет или обратится в чувство отчаяния. Но отчего он так слаб? Оттого, что по падении мы не можем никакого добра взять своею силою, и только благодать Божия может его в нас оплодотворить, когда мы дадим место благодати в себе своим смирением и верою. Оттого и называется духовная жизнь вышеестественной. Надо трудиться над собою, надо искать того, что выше земных интересов, и надо веровать, что все святое получается только благодатию Божиею, — и оттого и надо смиряться.

11

Не оправдывая уклонения в чувственность, я все же скажу вам, что вы, живя среди мира в семейной жизни, не можете предаться всецело духовным целям. Вы пишете, что деятельность ваша вращается около наслаждения телесного, славолюбия и материального обеспечения. Так отрешиться от этой деятельности вы даже не можете, но вы могли бы и в этой деятельности не уклоняться от пути спасения. Если по требованию своего падшего естества вы делаете дело из видов славолюбия и при этом встретите успех дела, не забудьте благодарить Господа за милость Его, Ему одному приписать успех дела, от Него принять утешение, посланное в жизни, Его восхвалить за милость незаслуженную. Если же встретится неуспех, огорчение, и вместо удовлетворения чувства славолюбия и честолюбия придется потерпеть бесчестие, то постарайтесь принять это от Господа как заслуженное, смиритесь перед Ним и пожелайте еще большего бесчестия для очищения своей гордости и самолюбия. Потрудитесь над своим сердцем, чтобы оно простило врагов, чтоб не мстило даже мыслию, чтоб воздало за зло добром. Так поступайте и в других случаях, при другой деятельности. Если по страсти делается дело, то чтобы каждая его часть делалась по слову Божию. Тогда-то увидите вы, с чем бороться, и сколько немощи в душе, бессилия. Тогда и вера возродится в сердце. А когда будете видеть помощь Божию, то еще больше утвердитесь в вере и уповании на Его силу. Не умом, а сердцем надо ощутить и свою немощь, и Его силу.

12

Господь Иисус Христос взял на себя человеческое естество, чтобы очистить его от первородного греха, умер поносною смертью на кресте, чтобы умертвить грех. Воскресением и вознесением нашего естества на небо, Он дал нам область (власть) чадами Божиими быть. В крещении мы получаем залог к этому сыноположению, мы можем, если захотим, получить все дары Его благодати; мы вошли крещением в дверь, отверстую нам Самим Господом. Если будем

идти путем Его заповедей, последовать Его слову и образу Его жизни, если будем приобщаться Его добру и правде, то первородный грех не будет в нас действовать, а будет действовать благодать Христова. Нужно приобрести веру в Искупителя, веровать тому, что только Его правдой мы можем быть спасены от своей неправды. Его святыней мы освящаемся, Его чистотой очищается наша скверна. Без Господа Иисуса Христа все человечество гибло во грехе, без Господа каждая душа гибнет в своем грехе. Оттого, что мы последуем греху и воле плоти нашей, он укоренился в нас, властвует над душою, над умом и сердцем нашим, стоит, как стена, между душою и Господом. Вот и надо призывать Его в молитве, чтобы Он пришел к душе и разрушил это средостение.

13

Вы справедливо замечаете, что то состояние, о котором говорила я, есть совершенство христианское: чтобы сердце настолько было расширено любовью, чтобы никто и ничто не мешало жить ему в присутствии Божиим и быть полно любви к Богу и ближнему. Да, это совершенство, и как всякое совершенство, оно должно стоять перед нами как цель в конце пути. Если мы будем его иметь целью, хотя далекой, но все же возжеленной, мы будем стремиться достигать ее, будем все свои чувства, мысли и поступки направлять сообразно с этой высокой целью, будем ею освящать для себя путь, будем видеть, насколько мы от нее самовольно отклоняемся, или с помощью Божиею преуспеваем. Понимая так путь христианской жизни, я не могу советовать вам ничего, кроме того, что советовала и раньше, то есть борьбу со своими собственными страстями. По отношению к другой личности вот мой совет: не быть к ней требовательным, прощать ее недостатки, быть терпеливым при оскорблении собственного самолюбия, быть самоотверженным, когда приходится выносить разные неудобства жизни от того разлада, который существует в семье. А если очень немоществуете, то смириться надо и уступить своей немощи, если нет сил идти против своих страстей и побеждать их. Страсти имеют такую силу и власть над человеком, что, отдавшись им однажды, мы становимся их пленниками, они сковывают нас и не дают возможности выйти на свободу. Они ослепляют наш ум и не дают ясно видеть себя и свой путь. Берегитесь давать волю своим страстям, а лучше отдайте себя в работу заповедям Божиим, чтобы быть рабом Божиим.

14

Как это вы говорите, что вы корабль без руля? А сегодня Святая Церковь (6 января) провозглашала всем верным: «Се предстоит Христос, от тли мир избавляй». Он — наш якорь спасения, руль, направляющий нас на верный путь, кормчий, руководящий наш корабль к пристани спасения — в Небесное Царство; с Ним хорошо в жизни, с Ним не страшна смерть, с Ним жизнь за гробом называется блаженством. Не беда, что вы не получили желаемого священства, не беда, что вы не монахи, можно и мысль об этом оставить, если нет на то воли Божией, но никогда не оставляйте Христа. Пусть Он будет целью всех душевных стремлений, целью всех желаний сердца, всех мыслей ума. Любите Его волю, Его заповеди, сделайте ради Него какое-нибудь добро своим ближним, словом или делом. Если вы будете любить Христа, если для Него вы в чем-нибудь поступите против грехолюбивых стремлений и желаний своего сердца, если Ему принесете в жертву какое-нибудь свое пристрастие, то вы будете Его священником, тайным монахом, ангелом. Я читала в Патерике, что однажды похоронили одного мирского человека и монаха недалеко друг от друга. Когда впоследствии открыли их гробы, то нашли, что на монахе мирская одежда, а на мирском — монашеская. Видите ли, нам неизвестно, кто монах перед очами Божиими. А вас я считаю своим сыном духовным и желаю вас видеть последователем Христа, Его учеником.

15

Чтобы сохранить чистоту тела, необходимо сохранить чистоту сердца и ума. Вот и нужна

молитва, нужно внимание к своему сердцу, нужен подвиг над собою. Если мы не всегда можем сохранить теплоту, так как она есть дар Божий, то можем всегда укреплять в себе решимость воли подвизаться против страстей, можем возгревать в себе стремление к совершенству, можем нудить себя к подвигу. [Заповеди Божии](#) даны нам не для произвола: хотим или не хотим их исполнять; нет, мы обязаны их исполнять, иначе мы погибнем вечно. Вот я и убеждаю вас: для Бога, для исполнения Его пресвятой воли понудить себя понести недостатки ближних, а к себе, к своим недостаткам быть строгому, требовательному. Хорошо бы вам иногда читать жития святых и иметь хоть небольшое, но постоянное молитвенное правило. А чтобы начать внимание к своему сердцу, я дам вам небольшой совет, который попробуйте исполнять в течение поста. Давно когда-то я посоветовала вам выучить наизусть молитвы Иоанна Златоустого: «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ». Теперь я советую вам, начиная с первой молитвы, ежедневно держать в уме и в течение дня почаще повторять одну из этих молитв. Сегодня первую: «Господи! не лиши мене...» Завтра вторую: «Господи, избави мя вечных мук». Эту молитву вы носите в уме, и в сердце, и в воображении. Когда вы просите небесных благ, то сравнивайте их с благами земными. Вы дайте своему сердцу почувствовать всю тщету этих земных благ, их преходящность, их изменчивость. Так размышляйте об каждом прошении, пусть целый день душа живет этим созерцанием. Если придут хорошие мысли, запишите их, если придет умиление, уединитесь. Дайте пищу вашей душе, дайте занятие вашему уму, дайте направление вашему воображению. Пусть приносит плод посильный труд ваш, чтобы в будущей жизни не голодать вечным голодом.

16

Я не сужу никого — сама грешная. Но всех нас судит слово Божие, данное нам для руководства жизни, для спасения, для указания пути в вечную жизнь, для нашего очищения. Оно судит нас, когда мы его не слушаем, когда преступаем его. Оно будет нас судить и в будущей жизни. Страшно перед ним согрешать. Страшно оттого, что сердце черствеет, и слово Божие перестает на него действовать. Это состояние хуже смерти телесной. Не шутите чувствами, они, как огонь, все могут истребить в душе и в сердце, и в уме: что насадило слово Божие, все сожгут и оставят душу с одними ее страстями и грехами. Надо хранить чистоту тела и души; иначе умрет душа смертью вечною, и эта смерть ужаснее всего, что есть на земле и на небе. Посмотрите в житиях святых, как люди добрые подвизались и искали Господа всеми силами души и тела.

17

Скажу вам, что мы никогда не должны давать поблажки своим страстям. Вы преследуете вора, который украл потому, что ему нечего было есть. Самая потребность естественная не может быть оправданием его воровства. Будьте же строги и к себе. Всякая поблажка своим страстям убивает чистоту нравственного чувства. Совесть, этот естественный нравственный закон, написанный в нашем сердце, гложет, если мы не слушаем ее внушения, если мы делаем поступки, противные ее внушениям. Что это за слова: я хочу или я не хочу? Эти слова не имеют значения там, где дело касается нравственного закона спасения души.

Вместо своего хотения должна быть заповедь Божия, воля Божия, ведущая нас к жизни вечной. Если бы вы были на войне, могли бы вы сказать, что не хочу идти в сражение? Нет, вы шли бы, не думая, шли на явную смерть. Если настает духовная брань, если заповеди Божии требуют борьбы, как же мы можем говорить, что не хотим бороться, что приятнее отдать себя в плен нашим врагам? Какой срам! Какой ужас в здешней жизни, кто расслабит свою волю до такого состояния; а в будущей жизни еще более срама потерпит душа, когда откроются все ее дела и помышления! Надо просить, молить Господа, чтобы укрепил волю противиться страстным помыслам, обратил бы все силы, все стремления и хотения души к высшим целям,

святым, высоким, благородным. Я буду молиться, чтобы Господь даровал вам решимость не только терпеть, страдать, но даже умереть за Его заповеди.

18

Когда совесть и сердце чисты пред Богом, то Он не попускает делать неправильные шаги, а если мы их делаем, то, по греховности нашей, не познаем воли Божией в своих поступках. Дай Бог вам быть добрым христианином, всегда пред собою имея Господа и Его святую волю, а не свое произволение, не угождение своим страстям и чувственным желаниям. Вы говорите, что «помимо всех увлечений греховными чувствами, развлечениями всякого рода, в душе вашей живет стремление к духовной жизни и так живо иногда дает себя чувствовать, даже во время самых развлечений». Знаете ли, что это стремление души есть призвание Божие? Не заглушайте в себе этого живого чувства, берегите его. Огонь не может гореть при ветре, его задует он; так благодать Божия призывает нас, но ветер страстей и развлечений гасит в душе свет и теплоту Божественного огня; не оставляйте молитвы и чтения слова.

19

Господь спасает нас всеми мерами, эти тяжкие телесные недуги, которые так часто посещают вас, постоянно напоминают вам о смерти. А что может быть полезнее для души, как не память смертная? Она нас от всяких пристрастий земных освобождает, дает нам познать цену всех земных дел и больше всего помогает стремиться к будущей жизни. Дай Бог, чтобы болезни ваши приносили плод душе вашей — спасение. Веруем, что все то, что Господь строит, все служит к нашей пользе и вечному спасению.

Благодарю тебя за те чувства любви и преданности, которые ты выразила в письме своем и в стихах от 6-го числа. Я знаю, что ты всегда любила слушать слово мое, слово Божие, слово спасения, передаваемое мною. Знаю, что это слово всегда оживляет твой дух, и даже на твои физические силы действует укрепляющим образом. В этом я вижу твою любовь к Богу, желание последовать Его слову, вижу также и твою преданность ко мне. Мне жаль, что теперь, когда ты болеешь и немного унываешь, я не могу видеть тебя и лично побеседовать с тобою. Мне хотелось бы сказать тебе, чтобы ты не падала духом, не унывала. В твои годы и у меня была подобная болезнь, расстройство нерв доходило до крайних пределов, в голове дурнота и слабость, случалось до отсутствия сознания... Я тоже ожидала, что я лишусь рассудка, даже доктора мне предсказывали что-то подобное. Благодарение Богу, этого не случилось тогда, и с годами окрепли нервы. С душевной силой Господь посылает и крепость телесных сил.

Но я хочу сказать тебе не это. Мне желательно передать тебе то, как я тогда смотрела на свое состояние, как относилась к нему. Думая, что я умираю, я предавала Господу свою судьбу временную и вечную в Его власть. Я желала, чтоб свершилась надо мной воля Божия, чтоб все мои желания и стремления направились только к единому повиновению Его воли и покорности Его промыслу. Когда я думала, что лишусь рассудка, то я соглашалась с этим безропотно и без боязни, видя в этом всю нищету человеческой природы. Я соглашалась оставаться без сил душевных, без здоровья тела, без разума, ума — только бы дух мой не жил в противлении воле Божией, только бы он смирялся пред Богом, Ему Одному отдавая честь и славу и поклонение. И в этом состоянии радовалась моя душа, радовалась тому, что Он Один велик, Премудр и Силен. Даруй, Господи, чтоб и в твоём сердце была эта радость спасения о Едином Боге, эта вера в Него и преданность Его воле! Да хранит тебя Господь своею благодатию!

2

...Но отчего же ты чувствуешь болезненное и томящее ощущение в сердце? Отчего? Конечно, от страстей. «Идеже Дух Господень, ту свобода» ([2Кор. 3:17](#)). А я скажу, где страсть, там теснота и страдание. Что страсти живут в нашем сердце — это неоспоримо, но они не дают себя знать томительною тяжестью, когда мы их не сознаем и исполняем их. Не томят они и тогда, когда, сознавая их, мы им противимся. Но когда мы сознаем их в себе и не хотим всеми силами души восстать против них, когда мы одною частью души отвергаем их, а другою прислушиваемся к их сладкому говору, когда мы уклоняемся от обличений, когда жалеем себя и не решаемся идти по крестному пути за нашим Крестonosцем, Учителем, — тогда, конечно, будем чувствовать томление и боль. Господь, взявший на Себя все наши грехи и немощи, показал Собой пример борьбы воли. В Гефсиманском саду Он до тех пор томился, пока воля Его согласилась принять страдание. Испытай свое сердце, и ты увидишь, что в нем много противоречий. Надо один раз навсегда предать душу свою водительству воли Божией, последованию заповедям Его и руководству суровым монашеским правилам. Когда согласится душа, так и будет легко. Мне нравится в тебе способность увлекаться и восторгаться всем святым и хорошим, но не забудь, что отречение монашеское лучше всего и полезней всего. «Бегай от людей и спасешься». И ты бегай от всего в глубину своего сердца, чтобы там быть с Единым. Да хранит тебя Господь, Ему я молюсь о тебе и Ему тебя поручаю.

3

...Да поможет тебе Господь Бог! Он укрепит и дух твой. А я от себя скажу тебе одно слово опыта. При всяком смущении и искушении единственный выход и успокоение — это смирение. Только этою стезею приходит душа к истине, все разрешающей, к теплоте врачующей, к

свободе облегчающей. Если потеряешь эту стезю, то окружает душу мрак и теснота. Она приходит к ложному разуму. А это бедственно. Потому что ложный разум показывает все в превратном виде; все обстоятельства жизни представляются горькими и бедственными, не видишь в них путей Божиих, великих судеб Его спасительного Промысла; люди не братья, а враги, их немощи возрастают до крайних пределов. Собственные немощи делаются страшными и даже живыми образами мучений внутренних. Да, одна стезя спасает в это время — стезя смирения. Читай раза три в день 50-й псалом. Читай, принуждая себя, даже в церкви во время Херувимской песни, и Господь откроет тебе смысл истинного покаяния и глубокого смирения духа.

Радуюсь, что твое пребывание в монастыре принесло тебе утешение. Великая милость Божия, когда есть на земле место, где может душа получить отраду, есть люди, с которыми сердце отдыхает. Но зачем ты все приписываешь мне? Без Господа мы ничего не можем взять, без Него мы ничего и дать не можем. Все Он подает нам Своею благодатью. Те, которые любили Его, видели Его везде и во всем. И Он открывал им Свое живое слово, открывал волю Свою и пути Своего промысла. Как и в чем открывал? В чистоте их сердца. Надо, с Божией помощью, хранить свое сердце от страстей. Хранить, главным образом, от сомнения, от гордости. Хранить его от лжи, от самооправдания. Хранить его от нелюбви, от презрения к ближнему. И если при благодати Божией, помогающей нам, мы не дадим всем этим страстям обладать нашим сердцем, то оно будет способно принять внушение слова Божия и последовать Его воле. Я радуюсь за тебя, моя родная, что сердце твое открыто для слова Божия, даруй, Господи, чтоб оно было открыто и для исполнения воли Его. Молись Матери Божией, проси Ее усердно, чтобы указала тебе путь, по которому угодно промыслу Божию вести тебя; на всяком пути боящиеся Господа найдут Его и придут к Нему путем заповедей Его, трудом и подвигом против живущего в нас зла и порока. Дай Бог тебе не уклоняться с этого пути, где бы ты ни жила!

2

Молитва Иисусова так творится душою, что при ней ни о чем не просит душа, сердце ничего не желает, ум молчит; только вера живая в силу Иисуса, только сознание своего недостойнства, своей немощи, греховности. При молитве Иисусовой я никогда ни о ком не молилась. Ты знаешь, как я любила своего батюшку. Я любила его больше всех и всего на свете. Я молилась за него первого, когда подходила прикладываться к чудотворным иконам, к мощам; когда дома подходила к образам, чтобы им помолиться, я призывала на помощь ему всех угодников, иконам которых молилась. Когда кончала читать Евангелие, или псалтирь, или акафист, я молилась, во-первых, за него. А молитвой Иисусовой я никогда за него не молилась. Мне кажется, я и за себя не молюсь при молитве Иисусовой. Я только чувствую силу, действующую во мне, силу имени Великого Бога, Бога Живого, Которому верует моя душа всеми своими силами, всеми жизненными действиями.

3

Я с Господом ничего не боюсь. Иду своей дорогой, впереди вижу, или хочу видеть одну свою цель, какая бы ни была, но цель, к какой стремишься. К этой цели стремлюсь, а все остальное не вижу и видеть не хочу. Вот в чем сила. Против этой силы не устоит никакая интрига, и даже не коснется ее. «Господь помощник, не убоюсь, что сотворит мне человек» ([Пс. 117:6](#)).

4

Я верю тому, что тебе нелегко живется. И болезнь родителей, и все, что делается не так, как бы тебе желалось, все это тебя мучает. Но как же ученик Христов учит нас за все благодарить? Он говорит: «Непрестанно молитесь, за все благодарите» ([1Сол. 5:17, 18](#)). «За все» — значит, за все скорби и за все неприятное, что случается в жизни. Да, прежде надо укрепить веру в сердце, что все творится по воле Божией. Нужно согласиться предаться этой Святой воле. Нужно смириться сердцем, признать себя недостойной лучшего. Тогда только можно за все благодарить. Епископ Игнатий учил своих учеников часто во время скорбных обстоятельств, также как и во время радостей, повторять слово благодарения Богу так часто и подолгу, как молитву Иисусову: «Слава Богу за все!» и опять: «Слава Богу за все!» При этой молитве отходит ропот от сердца, смущение исчезает, и так мирно становится на сердце, радостно... У Господа

есть свет, который всякое смущение отгоняет. Только бы приступила к Нему душа верою!

5

Думала видаться с тобой и лично поговорить. Несколько писем твоих я оставила без ответа, находя неудобным отвечать на них по почте. А какие хорошие твои письма, с каким отрадным чувством я читала их! Я слышу в них душу живую, чувствующую глубоко, с тонким духовным чутьем. Вижу ум развитый, тонкий, понимающий и видящий так ясно себя и все, что делается в душе. Благодарю Бога за тебя. Радуюсь и утешаюсь тобою. Сердце, кроме того, готово жить для других и все им отдать. Но ты не гордись тем, что я тебя хвалю, теперь начну укорять тебя. Я буду укорять тебя за излишнее самоукорение, за требование от себя совершенства. Един Господь совершен и всесвят, а мы, люди, все с немощами и недостатками. И как это хорошо, что свое совершенство мы можем получить только в Нем и чрез Него! Если мы веруем, что Он всемогущ, то должны веровать, что все Он может сделать для нашей пользы, если будет угодно Его святой воле. Если мы веруем, что Он всеблагий, всещедрый, то мы должны надеяться, что Он все даст, что нам нужно. Если мы веруем, что Он всеведущий, то должны полагаться вполне на Его волю, веровать праведности Его судеб, Его промыслений. Он может все нам дать, Он хочет нам дать всякое благо. Если же не даст нам, чего мы желаем, не даст того, что нам кажется полезным и хорошим, даже спасительным, то значит или мы не готовы принять, или не наступило время и самый дар был бы нам во вред, если б мы получили его по нашему желанию. У тебя есть недостатки, с которыми ты не в силах бороться иногда, ты просишь помощи Божией, и не чувствуешь помощи. Но ты не довольна трудилась, а самый труд этот необходим, необходимо увидеть собственное бессилие, чтобы в борьбе укрепились воля, а главное, чтоб узнала душа всю свою немощь, смирилась бы глубоко и всю свою надежду возложила на Господа Единого, спасающего нас. Святые отцы, научая нас бороться со страстями, говорили так: «Падай и восставай». «Падай» не исполнением греха или греховного чувства, но падай ослаблением воли произволения в борьбе с греховным помыслом. А потом опять вставай, то есть укрепи произволение, вновь начинай борьбу с грехом. Но тот, кто упадет, не может вскоре вскочить и бежать. Он ушибся, все члены его разбиты, он едва опомнился от падения, в борьбе он слаб пока не соберется с силами, или пока кто другой не придет ему на помощь. Точно так и воля наша. Если она пала, то есть увлеклась греховным помыслом, она ослабела, разбита, бессильна. Этими слабыми силами ей надо вставать, начинать бороться, хотя вся она разбита и как бы мертва. Должно звать на помощь Того, Кто Один может помочь, — но и голос ее бессилен, даже нет его совсем. А когда придет помощь от благодати Божией, то она укрепит и вновь восставит.

6

С самого отъезда из Петербурга я не писала тебе, а, между тем, часто, очень часто мысленно с тобою беседую. Точно сон, и хороший сон, мое пребывание в Петербурге. Наша поездка в Кронштадт к батюшке отцу Иоанну, его посещение нашего дома, все его слова, все это точно дни, прожитые в ином мире, хорошем, святом. Теперь я поняла душою значение всех его слов ко мне, поняла и пережила их, не одним сердцем пережила, но и жизнью. Все его слова сбылись со мною, и когда сбылось то, что он мне предсказывал, его слово меня поддерживало, направляло мой дух, давало смысл всему и даже плод чувствовался от пережитого. По его слову, на меня много и разнообразных скорбей нашло по Божию попущению. Но ты не беспокойся! По милости Божией, явленной мне молитвой отца Иоанна, все теперь проходит, точно буря утихает, и скорби, и искушения миновали.

7

Угодно ли Господу исполнить наше прошение и дать мир и спокойствие жизни? Настойчиво просить о чем-нибудь мы и у человека не решаемся, тем более у Бога не можем

просить и ожидать непременно исполнения своей просьбы. Мы даже не знаем, что для нас полезно, что вредно. Но в чем мы можем видеть помощь Божию, Его милость к себе — это в том, что Он дает нам переносить невыносимое с терпением, со смирением, с покорностью Его святой воле. Это великая милость Божия — и я вижу, что она совершается над тобой. Ты выносишь то, что человеческие силы выносить не могут. Ты терпишь со смирением и покорностью. Твое сердце не ожесточается против виновника скорбей. Не Божия ли помощь тебе содействует и укрепляет дух твой? Только веруй Господу и все Ему предавай. Он своими путями, Ему Одному ведомыми, всех приведет к себе, к миру и спасению. Будем же Ему молиться, да совершается Его святая воля над нами!

8

Что значит верить в Бога? Верить необходимо не только в существование Бога Творца и в спасение, дарованное нам через Иисуса Христа, но надо верить неизменно, во всех обстоятельствах жизни, как бы тяжело ни было, что Бог милосерд, хочет нашего спасения и, видя, зная, не только в чем временное наше благо, но и вечное, ведет нас к нему как любящий, но мудрый отец своих детей, направляя их с одинаковой любовью, лаской и строгостью. Поэтому надо все принимать с упованием на милость Божию, прося только помощи Его, всякое испытание или искушение, извне ли оно приходит, от наших ли немощей, или от людей — орудий Божиих для нашего спасения, и часто обоюдного. Нашим смирением спасаются и ближние наши, огорчающие нас.

Ты спрашиваешь, видит ли тебя твоя мама. Без сомнения, видит, но не так, как мы, земные, видим, и чувствует не так, как мы, плотские, чувствуем. В ней нет эгоизма, себялюбия, желания личного земного счастья и довольства. Душа ее живет в Боге, как Едином Источнике Жизни, и для Бога. Вот и видит она твою душу — угодны ли Богу твои чувства и желания, и твои помыслы. Ей приятно, чтоб ты, живя на земле, исполняла волю Божию, заповеди Божии по отношению к Богу и людям. А что ты жалеешь, что лично ей иногда приносила неприятности, то все это она забыла, простила и теперь своей бесплотною душою поняла и приняла все земные скорби, большие и малые, как очищение, и за все возблагодарила и прославила Господа, все подающего ко спасению души. Да, родная, оставь свою тоску и гнетущее раскаяние, и перед ее бессмертною душою положи доброе намерение воспользоваться этим опытом жизни и на будущее время стараться поступать не по влечению своих чувств, а тем более страстей, но по заповеди Божией и по нужде тех людей, с которыми Господь тебя будет ставить на жизненном пути. Вот она увидит тогда тебя и порадуется за твои добрые дела и намерения.

2

Достоинство и благородство человека не столько в преимуществах, полученных им от предков, сколько в его собственных достоинствах и в том добре, которое он приобрел в труде над собою. Так ценит Господь все доброе в нас, так ценят нас и люди разумные. А сам человек должен ценить все то, что подает ему Господь. Тебе же, родная, Господь так много дал, что не скорбеть, а благодарить Его следует.

Теперь о другом вопросе. Святые отцы всегда советуют, чтобы никогда не делать никакого решения во время душевного смущения. Когда мы духом смущены, то не можем правильно и здраво рассуждать, а тем менее можем чистою совестью и сердцем мирным познавать волю Божию. И сердце, и дух смущен, и солнце Правды закрыто от взора души. С этим решением надо подождать, не торопиться и пока никому не говорить. Монастырская жизнь очень тяжела. Она требует особенного призвания Божия, особенной душевной потребности жить высшими идеалами. Без этого она даже смысла не имеет.

3

Ты оттого, моя родная, так сильно волнуешься, что мало имеешь веры в Бога. Ведь без Его воли и волос не спадет с нашей головы, а тем более никто не погибнет без Его Промысла. Все Ему отдай и полюби Его волю и пожелай, чтоб она совершалась всегда над нами, и свое сердце успокой этой верой. Желаю тебе здоровья, прошу лечиться серьезно и жить под Божиим водительством.

4

Когда тебе придет нетерпение, то ты вспомни, как много и долго терпят узники, заключенные в одиночную тюрьму, а ты не в тюрьме, окружена удобством и людьми. Надо тебе взять себя в руки, надо назначить себе молитвенное правило, и правило терпения лишений, одиночества — это необходимо монаху, чтобы придти к Богу с сердцем терпеливым, одиноким, бесстрастным. Надо полагать начало.

5

Тебе Господь всегда и везде посылает тяжелые кресты. И видится мне, что во всем воля Божия, во всем для тебя послано испытание, чтобы ты училась терпению и самоотречению. Ты говоришь, что ты далека от того, чтобы иметь чистоту сердца. Но ведь всякий человек далек от всякого истинного добра, а тем более от добра духовного, от чистоты сердца. Без Бога, без Его помощи и благодати, человек не может даже приблизиться к понятию о добре духовном. Вот

Господь и ведет тебя Сам, воспитывает в тебе твоего внутреннего человека, очищает, умудряет во спасение, посылает тебе скорби и труды, чтобы научить терпению, подклонению под волю Божию, познанию своей немощи. Что может человек сделать? Одно — подклониться под волю Божию и в смирении духа взывать к Нему: «Веди, Господи, Сам, куда знаешь, и помоги мне исполнить волю Твою». И как легко, как спасительно идти по тому пути, куда ведет Господь. Помоги тебе Господи во всем покоряться Ему!

6

Мне грустно вспоминать, что вчера ты была такая расстроенная. Не больна ли ты? Если тебя смущает мысль, что я оставлю игуменство, то и это напрасно. Скажу тебе от души, что я всегда желаю и подвизаюсь, чтоб все творить, все делать и поступать по воле Божией. Есть у меня желания, я их высказываю, а на душе у меня одна мысль и желание, чтоб все совершилось по воле Божией. И в этом случае, если я и желаю провести последние годы жизни в уединении, то это не есть мое решение, а только одно желание. А мое желание, чтоб все совершалось в моей жизни по воле Божией. И при таком построении моей души, при такой преданности воле Божией, мое сердце мирно и никогда не бывает в смятении или неудовольствии, если что не сделается, как я желала или предполагала. Советую тебе искать душевный мир в своем сердце, предавая все воле Божией, люби ее — эту волю, старайся и подвизайся всегда подклоняться ей. Один святой отец говорил: «Если б небо столкнулось с землей, и тогда я не утрашился бы». Дай Бог и тебе утвердиться в преданности Божией воле!

Твоя мать о Господе, И. Арсения